

Автономная некоммерческая организация
социального обслуживания
«Новые перспективы»

ПУТИ ОСО БОГО ИСКУССТВА

A stylized yellow logo depicting a person in motion, with arms and legs extended, positioned to the right of the word 'БОГО'.

Об опыте создания среды
для творческой реализации
людей с особенностями развития

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

**Альманах создан в рамках проекта
«Особое искусство»**

Распространяется бесплатно

При полном или частичном воспроизведении данного издания
ссылка на АНО «Новые перспективы» обязательна

Автор картины на обложке: Дмитрий Белянин

Содержание

Введение	4
Интервью	
Варвара Купорова: «Нужно не просто прийти, а именно быть вместе...»	5
Юлия Поцелуева: «Инклюзия — это шаги навстречу»	13
Мария Опоцкая: «Задача — чтобы границы стерлись»	19
Вера Щёлкина «В этом присутствующем внимании можно раскрыться»	24
Мария Ягодина: «Ты научился ходить, но ходить тебе некуда»	29
Александр Нехорошев: «Я нигде не афиширую, что слабо вижу»	36
Ольга Паниковская: «Потребность каждого человека — особенная»	41
Практические материалы	48

Введение

Особое искусство — должно ли оно быть особым? Могут ли особенности автора не влиять на оценку его работ? Участие в театральных постановках, создание анимации, произведений живописи, занятия танцами и музыкой — для особых людей это поддержка, развитие, социализация, шанс на профессию или что-то иное? Как выглядит настоящая, не формальная инклюзия? И что дает взаимодействие с миром особого искусства тем, кто с ним соприкасается, — обогащает, заставляет задуматься, посмотреть на многие вещи с иного ракурса?

Эти и другие вопросы стали для нас нитью серьезных, глубоких разговоров с профессионалами в сфере театра, музыки, танцев, других направлений искусства. Интервью со специалистами, которые нашли свое призвание в творческом взаимодействии с особыми людьми, мы собрали на страницах этого альманаха. И рады поделиться суммой их бесценного опыта со всеми, кого волнует, какими путями будет развиваться особое искусство дальше.

На наших глазах в этой области жизни происходят качественные перемены. Если еще совсем недавно к проектам с участием особых людей относились как к художественной самодеятельности, которую нельзя воспринимать всерьез, то сейчас инклюзивные проекты становятся все более профессиональными. Во многом это связано с приходом в область особого искусства мастеров своего дела, которые могут вывести его на другой уровень. Это соединение «особого» и профессионального рождает новые прочтения знакомого материала, открывает в искусстве еще большие глубины и смыслы. О своем пути проб, ошибок, открытий рассказывают наши собеседники.

Во второй части альманаха мы собрали уникальные практические материалы, с помощью которых вот уже более двадцати лет педагоги творческих студий «Перспектив», работающих в ПНИ № 3, строят свои занятия. Надеемся, что эти рекомендации помогут коллегам из разных городов и регионов в их ежедневной деятельности, а людям с особенностями развития дадут возможность еще ярче проявлять свой творческий потенциал.

Желаем вам интересного путешествия в мир особого искусства!

В оформлении альманаха использованы картины художников арт-студии «Перспективы»

«Нужно не просто прийти, а именно быть вместе...»

Автор картины: Колузаев Виталий

Варвара Купорова — режиссер Малого театра кукол. А мы попросили ее рассказать об особом театре — проекте для подростков фонда «Антон тут рядом».

— Варвара, как возник в твоей жизни этот проект?

— Подростковый центр фонда существует достаточно давно, и, насколько я понимаю, начался он после выхода фильма Любовь Аркус «Антон тут рядом». Я пришла в этот центр четыре года назад, и мы с Малым театром кукол много ездили с представлениями, номерами, приглашали на спектакли ребят с разными особенностями. Это были разовые акции, и я не думала, что моя жизнь с этим более тесно свяжется.

Однажды меня позвали в летний лагерь преподавать физкультуру ребятам, чтобы у них было больше движения и физической нагрузки. Я думала, что этой какой-то городской лагерь, а потом выяснились подробности: за городом, надо ехать на несколько дней, а еще это лагерь для подростков из «Антон тут рядом». Хорошо. Потом мы решили, что я буду еще преподавать там театр кукол, помимо разминки

и спортивных игр. Придумали предметный театр: работали с разными фактурами и предметами на мастер-классах (с платками, мячами, всем, что подворачивалось под руку) и выяснилось, что это может быть очень классно и интересно. У всех ребят есть свое видение, свои таланты, и все это может вылиться во что-то интересное. Мне предложили с сентября вести занятия по театру кукол для взрослых и подростков. Я приносила туда разных кукол: ростовые, перчаточные, и даже марионетки. Марионетка – очень сложная кукла на нитках, и у нее много разных сочленений. К нам приходила девочка Катя, и у нее кукла двигалась как живая, чему в театральной академии нас учили пять лет. Это было очень здорово. Потом мы поняли, что большинству с куклами работать не так интересно, как с нуля создавать фактуры из бумаги и пеноплекса или целлофана. Первое, с чем мы начали работать – это клубки шерсти для вязания. Сначала мы хотели их использовать как кукол: надевали на палец, получалась голова, а пальцы – ручки, и мы делали с ними разные этюды. Позже поняли, что это может быть не только голова, а что угодно: развернуть, свернуть, связать по-новому. Так у нас стали рождаться инопланетные штуки и зародилась идея спектакля про космос. Мы понимали, что у всех свой, разный космос, и на английском «space» означает еще и «место». Когда мы сделали спектакль, решили назвать его «Мой космос», то есть про «мое место», «зону комфорта», мысли, размышления. Мы с ребятами сочиняли разные планеты, и туда оказалось вложено много разных социальных тем. К примеру, проблема того, что все питаются фаст-фудом...

Последняя сочиненная нами – Планета быстрого и здорового питания, сверху которой есть глаз, следящий за тем, чтобы никто не толстел. Еще у нас есть Планета мусора: люди оставили слишком много мусора, он начал оживать и нападать на людей. Планета вещей, которые нас раздражают и бесят: люди создали пилюлю, в которые можно поместить все «бесячие» вещи, и в итоге их оказалось слишком много, получилась отдельная планета. Планета Сава, где рождаются звуки, потом они переходят в мелодию, и рождается песня. В том году свою песню мы сочинить не успели, и ребята выбрали песню «Земля в иллюминаторе». Это было очень круто: и песня узнаваемая, и зрители к нам присоединились, получился отличный миг единения.

В этом году мы пригласили Никиту Зайцева, который помог нам сочинить песню. Ребята ею очень прониклись, поскольку сами сочинили мелодию и текст. Ее мы и будем использовать в спектакле. Весь процесс у нас был взаимным: все вместе мы придумывали эти планеты, редактировали текст. И, хотя останавливались на чем-то конкретном, чтобы ребятам было проще запомнить, от начала до конца этот спектакль придуман нами вместе. Каждым из ребят и другими педагогами: например, есть еще мастерская, где делали декорации, сочиняли музыку... Все четыре года очень много людей работало на благо нашего спектакля. В этом году летом мы выпустили спектакль «Мой космос» и показали его на площадке «Антон» на Невском проспекте. Сейчас дорабатываем и собираемся отправлять на разные инклюзивные фестивали, чтобы ребята могли поиграть где-то еще и познакомиться с другими театральными коллективами.

— Готовясь к нашему разговору, я прочла замечательную статью Николая Песочинского под названием «Театр тут рядом». Статья 2016 года, где он говорит о спектакле «Язык без границ», проходившем на сцене БДТ. Он употребил термин «альтернативный театр», а ребят называл «альтернативными перформерами», что мне очень понравилось. Не «человек с особенностями», а альтернативный подход, альтернативный взгляд и подход. Мне интересно узнать об альтернативном восприятии. То, что вы делаете спектакль все вместе, влияет на твою роль внутри процесса как педагога, режиссера, ведущего? Как ты это выстраиваешь, когда у ребят много мнений?

— По сравнению с драматическим театром или театром кукол (МТК) с профессиональными актерами, где я работаю, возможно, поначалу я что-то ощущала, но теперь не вижу разницы. У актеров тоже бывают неясные моменты: кто-то не пришел, другой не позвонил, третий сбежал. А с ребятами даже проще: приходишь, в спокойном режиме, в разговорном, все это сочиняете — им так ближе, чем ты принесешь пьесу, которую они, возможно не поймут, не запомнят, и она у них не останется. Даже в МТК, когда мы сочиняем спектакль вместе, со своими причудами, он становится ближе, чем если бы тебе режиссер сказал: «два шага влево, а теперь присядь, а теперь куколкой поклонись, а теперь хлопай в ладоши...»

Мне не очень верится в абсолютно горизонтальный театр, всегда есть кто-то «над». Здесь я просто «шелуху» убираю. Мы с ребятами по-разному придумываем. Иногда я просто задаю вопросы: а что теперь может произойти? Начнется ли теперь у них война на Планете еды из-за того, что нет воды, но есть материк изо льда? Это все придумали ребята в разговорах. Иногда мы играли в такую игру: один говорит, кто, второй — когда, третий — что делает, четвертый придумывает последствия. Так, по одному слову они сочиняют целую историю. В принципе, никто не спорит и не перетягивает одеяло на себя, поскольку таковы правила игры. А есть форма, где мы совместно что-то придумываем, но никогда не было каких-либо споров.

— То есть, можно роль ведущего процесса обозначить как куратора?

— Да, у меня в голове тоже вертелось слово «куратор». Когда мы со сценографической мастерской сотрудничаем, например, я рассказываю педагогу (Анастасии Чеботаревой): Настя, придумали то и то. Как это можно сделать? Мы вместе обдумываем, и потом она приходит с этими идеями к ребятам — и тем же, из театра, и другим, которые ходят в сценографическую мастерскую, но не выходят на сцену... Изначально у нас было такое предложение: есть музыкальная мастерская, сценографическая и театральная. Куда ты хочешь ходить? Кто-то наотрез отказался от театральной и ходил только в сценографическую и музыкальную, а были те, кто ходил везде. Это большой, общий процесс. Позже Настя приносила эти идеи в сценографическую мастерскую, а там они тоже как-то перевоплощались и получался еще классный результат.

Была еще музыкальная мастерская, где ребята писали музыку. Алексей Востриков, педагог, говорил ребятам: а теперь попробуем в атмосфере военного марша, и они что-то сочиняли. Иногда он говорил что-то еще проще: а теперь ускоряй, или делай злой — доброй, и всегда получались интересные мелодии, музыки. Все это было придумано три года назад, потом Алексей что-то сам дописывал сам, или с кем-то из ребят, и музыка тоже используется.

— Выйти из этого прекрасного процесса набрасывания идей, разговоров, поскольку актеры и участники особенные, с альтернативным восприятием реальности и даже времени — и дойти до результата, сложно в одиночку. Как устроена эта команда в «Антоне тут рядом»? Я так понимаю, есть три студии, три мастерских. Сколько в каждой педагогов, волонтеров — кто работает над созданием спектаклей?

— Хотела бы отметить работу Алексея Вострикова, он у нас как папа Карло. Он стал в прошлом году куратором проекта, то есть это мой непосредственный руководитель. У него устроено так: к какому-то сроку — конкретный результат. И это нас стимулировало делать что-то конкретное, не останавливаться на идеях, а придумывать, как мы можем это сделать. Это немаловажно, когда творческий момент мы ставим на «стоп» и начинаем работать. Мы вместе это все придумываем, это тоже творчество, но мы уже

пытаемся что-то сделать. В «Антоне» очень много разных специалистов: есть педагоги, есть тьюторы, которые разрабатывают программы индивидуальные и общие. Я на театральной группе один педагог. Периодически Алексей тоже участвует в занятиях, и это здорово. В художественной мастерской было два педагога, там было большее количество людей, и ресурсов нужно больше. В «музыке» Алексей один, и плюс есть волонтеры.

В прошлом году было очень много волонтеров. Почти 50/50. Позже мы сократили их количество, поскольку поняли, что ребята весьма самостоятельны, и так много волонтеров нам не нужно. Осталось трое, они вошли в спектакль как актеры. На них мы возлагали дополнительную нагрузку: если что-то идет не так, кто-то что-то забыл — можно подсказать. Но в итоге не пригодилось, ребята запомнили все «от» и «до», и даже был момент импровизации. Одному парню, Жене, очень понравилось к зрителям выходить, и в какой-то момент он не остановился, а зашел на еще один круг, а потом еще и еще. Он не смотрел на зрителей с тем, что «давайте, похлопайте мне», а просто кайфовал от ощущения на сцене, что на него смотрят. Это было очень здорово. Я уже хотела начать махать, что нужно остановиться, но Женья сам насытился и остановился.

К сожалению, в этом году наши волонтеры, которые вошли в спектакль, заняты — кто-то уехал за границу, у кого-то учеба. Житейский процесс. Скорее всего, в этом году мы наберем новых волонтеров. Еще мы сотрудничаем с фондом, поддерживающим детей мигрантов. Они были у нас в летнем лагере в этом году, участвовали в спектакле, и мы решили позвать их. И вот, сейчас ждем от них ответа, поскольку у них тоже много дел — учеба, изучение языков, мероприятия. Пытаемся скоординировать наши расписания.

— Те волонтеры, что задействованы в спектаклях, даже если и не требуется их помощь — само их присутствие в коллективе важно или нет?

— Очень важно, потому что ребятам не хватает общения. Половина из них на домашнем обучении. Либо, вот есть у нас Женья и Юля — они учатся в специализированном колледже, на лозоплетении. Им действительно не хватает общения. В прошлом году очень хороший контакт был с парнем, который сейчас уехал за границу. Они даже сами собирались неформально и ходили куда-то, например, в музей, гулять. По большей части ведь ребята крутятся именно в семье, и им такое нужно. Помню, когда я проходила тренинг, была такая фраза, что «самая главная задача лагеря — кайфовать!». И мы тоже должны показывать, что нам это нравится, не имею в виду играть это, а просто расслабиться и получать удовольствие. Ребята, видя это, подтягиваются.

В целом, это важно даже в работе с обычными подростками. Потому что, когда педагог говорит: «делайте», а сам не делает, никто из них этого делать не будет. Так и во взрослых коллективах. Это очень важно, когда кто-то из педагогов, волонтеров всегда в работе и сам что-то придумывает. Делает своими руками куклу, например, которая нужна к спектаклю, ребята сразу подтягиваются и предлагают что-то новое. Пока мы готовились к спектаклю, у нас появился еще миллион идей. Например, мальчик Игнат придумал новый сценарий про космос. К сожалению, пока мы его реализовать не можем, но, надеюсь, это будет наша следующая работа.

— Сколько у вас участников и волонтеров сейчас, какое соотношение?

— Было 6 актеров и три волонтера. Потом еще одну девочку попросили помочь. Она мне даже помогла занятия вести, поскольку давно в работе с инклюзивным театром. И мы так решили себя перестраховать, а на самом деле, не особенно и нужно было, потому что все уже было в материале и, как показала практика, все было замечательно. Еще у нас была видео мастерская, куда мы пригласили оператора, но и здесь перенапряглись: пригласили профессионала, который слишком качественно снял, а в итоге ни одна техника это не потянула, и нам пришлось ухудшать видео. Но в итоге ребятам безумно понравилось, что их снимают, у них висит микрофон, как на профессиональных съемках, а потом они себя еще и видят. Круто было, что такая разнообразная работа получилась. Они и сценографию сами делали, и музыку, и костюмы сами шили и декорировали, и видео было. Безумно крутая идея, что ребята затронули каждое направление.

— Со стороны это вовсе не отличается от устройства обычного театра, только все в уменьшенном формате. Есть ли у вас какие-то особенные, наработанные методики, приемы, которые вы выработали? Что-то из театра, только для ребят из «Антон тут рядом»?

— Мне работа в «Антоне» дала даже больше, чем работа в обычном театре. Когда я в первый раз, четыре года назад, вернулась из лагеря, была в очень приподнятом настроении. Там рассказывали, насколько важна поддержка: и словесная, и тактильная, и другая. Ты получаешь все это взамен... Театр — это все равно такое, токсичное место. А когда это театр друзей — оно токсично вдвойне. Я, конечно, шучу, мы все в МТК друг друга любим, но иногда позволяем себе лишнего сказать. И когда говорим друг другу какие-то комплименты, уже не можем воспринять это не как сарказм. Есть такая проблема. Работа в «Антоне» для меня расширила границы: можно сказать что-то приятное по работе, надо хвалить, надо поддерживать, потому что видишь, как актеры расцветают и лучше работают.

Не могу сказать, что есть какие-то особенные методики в работе с подростками из «Антона». Мне кажется, мы хорошо разработали систему совместного творчества: мы вместе придумываем, а педагоги дополняют. 70 % — это работа ребят, и отношение соответствующее.

— Наверное, коллективное авторское творчество и можно назвать особенной методикой. Насколько я знаю, нет в классическом театре такой практики, когда замысел режиссера и идеи распределяются между актерами. Может, это и зависит от конкретного режиссера, но в самой системе это не заложено. Ты сказала о шести актерам. Ты видишь какой-то рост, изменения, развитие у участников?

— Вижу, что тренинги уже проходят по-другому. Речевые и по мастерству. Раньше было сложно объяснить, а сейчас достаточно один раз показать, и ребята сами подхватывают, и даже придумывают свои вариации, вспоминают старые. Хотела рассказать про Ваню. Чем ближе был спектакль, тем больше Ваня нервничал. Он очень высокий, у него сильная рука, и, когда нервничал, он мог громко поставить стул, к примеру, стукнуть об стену. Это было страшно, и других ребят тоже волновало. Был разговор с мамой, и она говорила, что он очень нервничает, переживает, и не хочет, чтобы родственники смотрели. Тогда мы договорились, что мама сядет в последний ряд и будет смотреть буквально одним глазком. Потом мы придумали, что у него будет маска. Проверили — плохо слышно. Придумали, что сделаем, как у шпионов: кепка и очки.

Подумали, что может что-то пойти не так, раз он так нервничает — даже в обычном театре никогда не предугадаешь. Волновались, может, он вовсе не придет. Даже его мама до последнего опасалась. В итоге Ваня от начала до конца, ничего не забыв, абсолютно спокойно сделал все, что нужно, и сказал свой

текст. Ни шага влево, ни шага вправо. Четко по своей линии сделал роль замечательно. Потом сказал, что он очень нервничал, и больше никогда! Но в сентябре снова пришел и замечательно занимается. Периодически вспоминает, как ему было тяжело и что он такого снова не хочет, но он в процессе и вместе с нами, чему мы очень рады. Это самый большой успех в моих глазах, что он смог собраться, как профессионал.

— Я слышала такое мнение, что, когда работаешь с особыми людьми, это процесс маленьких побед, маленьких шагов. Что нужно ориентироваться на какие-то простые маленькие победы каждого участника. Переходя от успехов: с какими трудностями ты сталкиваешься, каких ошибок можно избежать именно в рамках театрального творческого процесса.

— Мне кажется, должна быть вовлеченность самого педагога и всех, кто приходит извне. Нужно не просто прийти, сказать и проконтролировать, а именно БыТЬ вместе с ребятами, взрослыми, детьми. Это очень привлекает и вовлекает остальных. И эта поддержка очень важна. Что-то пропустишь — и в следующий раз может быть негативное поведение, или человек вовсе не придет. Мне было очень тяжело перестроиться и хвалить, говорить «ты молодец, ты классный». В какой-то момент я поняла, что я говорю только «ты классный, классно»...

Потом задумалась и поняла, что нужно еще какие-то синонимы подобрать. А разогнать самого себя на какой-то плюс очень сложно. Еще мне сложно пропустить какие-то разговоры. Мне каждый раз кажется: это очень важно и нужно это обсудить. В том смысле, что у ребят иногда идет привлечение внимания к себе через какие-то страшные истории: что происходит дома, как плохо прошел день. И мне до сих пор непросто сказать: сейчас мы работаем, в перерыве или после занятия мы с тобой поговорим. Но это нужно уметь, иначе вся работа останавливается — потом кто-то еще начинает рассказывать, а кто-то теряется и уходит в себя. Ребята абсолютно разные, важно каждому уделить должное внимание и быть на связи со всеми.

— Как выстраивается работа с родителями, есть ли сложности? Беспокоятся ли они, контролируют ли, отпускают ли?

— Сейчас у нас подобралась великолепная команда и родителей, и подростков. Им интересно, что мы делаем, мы всегда обсуждаем, и просим дома начитать какой-то материал, чтобы не останавливаться только на тексте, что-то показать им (те же фильмы про космос или просто картинки). Просим, чтобы работа дома тоже была. Но излишнего контроля в нашей группе нет. Даже на каникулах мы собирались по три часа через день, и все родители реагировали на это с энтузиазмом, понимая, что ребята ждут этих занятий. У нас родителями взаимная поддержка.

— Театральному режиссеру, работающему с альтернативной группой актеров, необходимо либо заранее знать какие-то особенности ребят либо пройти какую-то подготовку, либо приобрести ее в процессе, верно?

— Изначально для каждого родителя есть анкета, где они пишут, какие темы человек любит/не любит, что лучше не затрагивать, о чем лучше не говорить — а иногда это может быть как раз то, что подросток любит, потому что, если заговорим, его будет не остановить. Изучая эти анкеты, ты чуть лучше понимаешь, как выстраивать занятие, как работать с тем или иным человеком. Благодаря Леше Вострикову — он всегда рядом — мне всегда помогут проработать ту или иную проблему. В этом году у

нас появилась такая тема — рассказать о том, что плохо и тяжело у некоторых ребят. Мы говорим с родителями об этом: вдруг дома об этом молчат, а это действительно проблема и с ней нужно работать. Иногда родители опровергают эти догадки и таким образом нам помогают.

— Что касается показов — как это устроено? У вас есть соцсети, где вы делаете анонсы? Как вы выходите в город?

— Мы только один раз отыграли спектакль и это был показ «для своих»: друзья, родители. Но желающих посмотреть было много. Так получилось, мы позвали создателей спектакля и их близких, а потом выяснилось, что мест уже нет. Мы планировали показ в ноябре, скорее всего, он состоится в декабре. Надеюсь, что можно будет показать (я об ограничениях из-за эпидемии), что все сложится. Это важный опыт, что мы не просто один раз сделали, показали и забыли, а что мы делаем работу над ошибками и становимся лучше.

— Ты сказала, что вы планируете подавать спектакль на фестивали, и у меня такой вопрос. Этот проект можно подать на какой-то специальный фестиваль, как инклюзивный спектакль. А можно ли подать ваш «Космос» на фестиваль, где участвуют обычные спектакли, будет ли он конкурентоспособен? Может ли он быть там рядом?

— Я, как человек, работающий над спектаклем, хочу, чтобы это было возможно в наших реалиях. Но я понимаю, что нужен этот спектакль доработать. Мы как сделали, так и сделали, потому что нам был важен результат, а не обертка. А сейчас у нас время взято на то, чтобы это доработать до состояния, когда мы сможем подать на фестиваль и сказать, что это сделано хорошо. Сейчас — ребята где-то могут подсмотреть в бумажку, где-то что-то отваливается, и пока я понимаю, что нам надо доработать. Но мне бы хотелось расширить границы и спокойно работать всем вместе. Я была на лаборатории от «Круга 2» в Москве, и они показывали нам европейские инклюзивные спектакли — есть миллион театров, которые именно театры как цеха. Есть для людей с синдромом Дауна. Есть с невероятно крутым светом, музыкой, где все условия созданы для того, чтобы люди себя ощущали нужными, что они есть в этой профессии, и есть зритель, и помещение. У нас пока есть зритель и желание, а возможностей особых нет.

Например, недавно была премьера спектакля Бориса Павловича, где есть возможность сделать все хорошо, и все было сделано круто. Публика это восприняла хорошо, а профессиональная критика — нет. Возможно, меня это задело потому, что я с этим работаю, но было очень странно. Если вы не можете воспринимать это как профессиональный театр с участием профессиональных актеров, режиссеров — тогда ничего не пишите. А так получается, что «я это не воспринимаю, но это я напишу, и вообще я не хочу такое смотреть». И о восприятии большинства была такая фраза: «мы готовы ходить к вам в гости, но не чтобы вы ходили к нам». Был спектакль «Разговоры», все приходили в пространство «Квартира», и в разных его уголках были разные истории, и про это было написано: «Это хорошо, но на профессиональной сцене, пожалуйста, не надо». Конечно, я немного утрирую, но суть такова.

— Наверное, эта история очень хорошо отражает реальность. Все-таки, инклюзивный театр еще не воспринимают как равноценный профессиональный театр, еще есть штамп «самодеятельности», будто люди занимаются этим лишь потому, что им нравится. Мне кажется, нужно время и присутствие таких театров: пусть будет много таких проектов, и в какой-то момент просто по количеству придется говорить об этом серьезно.

— Мне показалось интересным, что критики, которые сейчас учатся, студенты, сделали разбор спектакля как профессионального, а не особенного. С точки зрения театрального продукта — как поставил режиссер, как играют актеры. Мне понравилось, что студенты к этому готовы. Это, действительно, дело времени и работы.

Интервью: Марина Абаджева

Автор картины: Быкова Виктория

«Инклюзия — это шаги навстречу»

Автор картины: Гутьцев Александр

Юлия Поцелуева — человек, хорошо известный в сфере «особого искусства». Куратор петербургской театральной школы «Инклюзион», направления «Социальный театр» в АНО «КонтАрт», куратор «Школы социального театра». А также — руководитель проекта центра социальных инноваций «Музейный опыт».

— Юлия, спасибо, что нашла время для этого разговора. Сейчас инклюзивные проекты становятся все более серьезными и профессиональными. Но при этом сфера еще недостаточно освоена. Интересно, как ты сама оказалась в этой области и стала куратором и арт-менеджером инклюзивных проектов?

— Мне давно хотелось попробовать, но не было опыта и на тот момент, когда я начинала, не было программ, по которым можно было бы этому учиться. Точнее, были, но сейчас они представлены более масштабно. Например, есть магистратура по социальному театру, а тогда не было. В 2016 году я работала директором по развитию с музейным проектом «Детские дни в Петербурге», и мы организовали точечный, маленький проект «Поедем в Музей». Взяли в партнеры компанию «Таксовичкофф» и предложили детям на инвалидных колясках посетить музеи. Высылали приглашения на наши

фестивальные программы. Компания «Таксовичкофф» обеспечивала логистику, транспорт. Мы опрашивали все музеи и выставляли иконки доступно/недоступно.

Дальше возникла проблема: даже там, где, по нашей информации, было «доступно», выяснялось, что есть море нюансов: нужно за пару дней позвонить директору, чтобы открыли какую-то дополнительную дверь, или связаться со службой охраны. В результате этого небольшого проекта стало ясно, что часто информация о доступности не соответствует реальности. Тогда мы брали в помощь курсантов Нахимовского училища, которые помогали детям и родителям попасть в музей, преодолев ступеньки до или после пандуса. Это была такая маленькая проба. Возникло ощущение, что нужно что-то менять. Раньше я тоже это понимала, но теоретически, а здесь я столкнулась напрямую.

У меня был естественный страх начинать такие проекты. В 2017 году я поехала на фестиваль «Про театр», который проходил в Центре им. Мейерхольда, и встретила свою знакомую, Варю Коровину — мы вместе учились в Школе театрального лидера. Когда московский «Инклюзион», где она работала, запускал региональные школы и искал куратора в Петербурге, Варя вспомнила обо мне. Сейчас я бы ни за что не вписалась в такую авантюру: в апреле меня пригласили, а в мае мы уже должны были запустить первые мастер-классы. Сейчас я понимаю, что это безумие, на такие проекты времени нужно закладывать раз в десять больше. Но петербургский «Инклюзион» все же запустился. Мы сразу договорились, что в мае будут разовые мастер-классы, а полноценный процесс мы начнем с сентября. К счастью, у нас было лето на то, чтобы переосмыслить процессы.

— Как от первых мастер-классов, проб вы вышли на городские площадки?

— Нужно сказать, что, когда мы начинали, прямого опыта взаимодействия с людьми с инвалидностью не было ни у кого, и у педагогов тоже. Мы проходили через все «грабли» на своем опыте. Была помощь со стороны Фонда поддержки слепоглухонемых «Соединение», их база данных. Этот фонд — соучредитель московского АНО Центр творческих проектов «Инклюзион», вместе они и запускали школы в регионах.

Мы прозванивали по этой базе людей, и к нам пришли первые участницы — в основном, женщины старшего возраста, 65+, с одновременной инвалидностью по слуху и зрению. Помню наше волнение во время первого занятия, мысли о том, как можно работать, с чего начать, потому что стоял общий гомон, непонятно было, как выстроить этот процесс. Первые месяцы прошли в знакомстве и адаптации методик. Все наши преподаватели — профессиональные режиссеры, актеры, музыканты. Но если человек не видит/не слышит или слышит слабо и пользуется слуховым аппаратом, непонятно, как заниматься, скажем, вокалом.

Сейчас же у каждого педагога отработанная авторская методика. Со временем стало понятно, что любое упражнение или задание можно перестроить. Помню, на первых занятиях хореограф говорила: «Посмотрите, как пара делает упражнение», потом одергивала себя, а потом понимала, что можно посмотреть, только руками, если люди не против, что другие «посмотрят» их таким способом, когда они танцуют.

Или, например, вокал: сейчас мы работаем через вибрацию, и у нас есть в молодежной группе двое участников, которые совсем не слышат, но через вибрацию они могут попадать в правильную ноту и так «звучать» вместе со всеми.

Хорошо, что у нас не было жесткой рамки, не было задачи выпустить в первый год спектакль. Потому что этот период, до декабря 2017 года, ушел на знакомство и адаптацию. При этом мы совершили еще ряд шагов, которые, как я понимаю сегодня, нужно было сделать иначе. Например, нашей первой площадкой был Упсала цирк: это замечательные партнеры и любимые коллеги, прекрасное место, но конкретно для нашей группы оно не очень подходило.

Во-первых, начались проблемы с социальным такси: участники не могли вызвать туда машину, им говорили: «Сейчас нет спектакля, почему вы едете в это время?» Целый месяц ушел на переписку с Комитетом по социальной политике, со службой социального такси. Сейчас у нас уже установлен контакт, нам отвечают в течение недели, когда нужно согласовать, что мы проводим занятие на новой площадке.

Кроме того, территория около цирка большая, администратор должна была бежать ко входу, встречать участников. Иногда мы занимались в шатре, иногда в отдельном здании, и это создавало дополнительный стрессовый фактор. Сейчас бы я на первой стадии проекта пошла в организацию, нашим людям уже знакомую. Мы так и сделали при перезапуске в 2018 году, когда нашим партнером стала «Библиотека для слепых и слабовидящих»: переехали на понятную для наших участников площадку, это было важно.

Еще был такой момент: мы собрали на мастер-классе довольно большую команду педагогов, и с каждым разговаривали: кому интересно, кому сложно, кто понял, что это не его... В итоге взяли всех, кто захотел в это включиться, и у нас получилось очень много занятий. А в группе были взрослые участники: кто-то из них работает, у кого-то есть свои увлечения, и когда мы занимаем, фактически, половину недели, получается нехорошо. И были моменты, когда, условно говоря, в понедельник приходило 2 человека, а в среду 2 других человека, а в субботу один. Нереально при таком посещении организовать творческий процесс для группы.

Что помогло собраться и выйти на следующий этап? То, что мы сделали открытый урок — это было какой-то понятной точкой. И то, что мы взяли небольшую паузу в январе и сделали перезапуск на площадке библиотеки. Еще раз опросили участников о том, какие дисциплины им кажутся важными и хочется оставить, а где тяжело. Таким образом, например, мы выяснили, что для наших старших участниц не очень подходили цирковые занятия, потому что даже простые задания, где надо, скажем, жонглировать платочком, это нечто очень неприятное: у тебя летит этот платочек, а ты не понимаешь, куда он падает.

Также на первом этапе у нас не очень пошел документальный театр. Еще мы присматривались друг к другу в плане эстетики, потому что у нас довольно авангардные актеры и режиссеры, а у участников было свое представление об эстетике. Например, они ехали в Дагестан и попросили с ними порепетировать сказку «Репка» и песню, с которой там выступают. И важно было удовлетворить эту потребность, но в то же время ограничить ее одним занятием. Мы так сделали и оговорили, что дальше пойдем в другой процесс. Здесь важно, что мы не навязываем свою эстетику, а ищем ее вместе и идем только туда, куда готова пойти группа.

Таким образом, в 2018-м случился перезапуск, и мы стали переосмысливать свою миссию, разговаривать с участниками и командой, а в 2019 году у нас появился целый Манифест, где мы сформулировали важные для себя позиции. Мы поняли, что наша миссия не только в том, чтобы

заниматься в группе и выпускать спектакли, но еще и в том, чтобы городская культурная среда стала более открытой. А для этого нужно выходить на новое партнерство, делать программы для профессионалов, которые до этого не сталкивались с инклюзией, но хотя бы что-то в этом отношении у себя в учреждении.

Первым шагом в этом направлении стало партнерство с «Театром на Литейном». Случилось так, что участники очень хотели петь. Мы пригласили педагога по вокалу и сделали пробный мастер-класс, это оказалось здорово. На каком-то занятии педагог Елена Романова принесла песню «Ходят кони» — всем понравилось ее петь. И дальше другие педагоги — Александр Савчук, Ксения Петренко — подключились и стали приносить свой материал про коней. Это были разные произведения: и проза, и стихи — Заболоцкого, Маяковского. Однажды Александр предложил «Ночи Холстомера», и этот материал откликнулся. Но мы не заучивали текст, а брали собственный отклик на него. Здесь нам помогала «Библиотека для слепых и слабовидящих»: мы делали текст шрифтом брайля, записи для тифлоплееров, чтобы можно было это послушать. И затем, изучив текст, участники его присваивали. По сути, был такой сторителлинг: они своими словами рассказывали эту историю от себя.

Партнером этого спектакля стал «Театр на Литейном», там мы начали репетировать и проводить показы. В качестве площадки выбрали фойе, потому что для этого спектакля было важно, чтобы зрители находились на том же уровне, что и актеры. Чтобы это было единое пространство, потому что в финале зрители выходят к актерам: мы их приглашаем, они присоединяются, и далее финальная сцена. Театр поставил этот спектакль в строчку репертуара. И было видно, как увлекаются те люди, которые с нами там сталкивались каждый день. Сотрудники гардероба, администраторы, которые встречали нас, к какому-то моменту чуть ли не по именам нас знали, были будто вовлечены в процесс. Я где-то через год встретила коллегу, которая работает билетером в этом театре, она мне рассказывала, что к ним приходила группа незрячих. И когда она поняла, что у кого-то нет волонтера, то подошла, спросила, нужна ли помощь... Я поняла, что эти встречи таким образом и происходят: не абстрактно, не в бумагах, а когда видишь конкретных людей, начинаешь взаимодействовать с ними, и что-то меняется и в тебе, и вокруг.

— Вы получили в результате глобальный опыт, который вам самим не у кого было взять. Приходилось действовать методом проб и ошибок. Интересно, как педагоги прошли этот путь? Были ли сложности с этим для тебя как для куратора?

— У нас был более широкий педагогический состав в начале, кто-то выключился из него. Когда у человека плотное расписание, гастроли, постановки вне города, если он раз в месяц появляется в нашем процессе, каждый раз нужно устанавливать взаимодействие заново, а это сложно. Во всяком случае, на первом этапе было так. В итоге одна из педагогов приняла решение, что уходит из-за того, что «разрывается». Дальше мы стали озвучивать регулярность и возможность раз в неделю присутствовать на встречах как критерии для педагогов и участников. Сейчас нашу молодежную группу ведут три постоянных педагога: Александр Савчук, Ксения Петренко и Елена Романова, и понятно, что кто-то может куда-то уехать, есть иные проекты и своя жизнь, но мы договариваемся и перераспределяем занятия. Каждый раз составляем расписание на месяц, чтобы не было такого, что кто-то вовсе выпал — это «душит» процесс.

Понятно, что в начале была растерянность, и не очень ясно, как взаимодействовать, и эти методики постепенно перестраивались. Так же, как и упражнения. Кстати, мы сделали методичку про упражнения

в 2019 году, подробно их описали — ее можно скачать и почитать.

— А где почитать?

— На сайте «Инклюзиона» в разделе «Сообщество». Сейчас мы собираем новую методичку, где описываем свой опыт дистанционной работы.

Что касается сложностей, был еще один нюанс, который мы не учли в начале, с которого, в общем-то, нужно начинать: мы не обозначили точку выхода, точку финала для группы. Такая была позиция учредителей, и мы не подумали о важности этого фактора. Сейчас, изучив, что такое групповая динамика, как она работает, я понимаю, что это очень важно: обозначить, на какой период вы собираетесь, какая конечная точка, и что будет с группой потом.

Работая с нашей первой группой, мы столкнулись с тем, что кто-то из участников говорил: «как семья», «сроднились», но при этом мы понимали, что не можем брать на себя ответственность за то, что это будет бесконечно. Как минимум потому, мы существуем на грантовое финансирование: у нас нет постоянной поддержки, площадки, в любой момент все может закончиться. И мы должны ставить финальные точки проекта.

Сейчас мы работаем так: набрали новую молодежную группу, создали проект для выпускников. Кто-то стал участником лаборатории, которую мы сделали вместе с Александринским театром — «Меняем культурную среду вместе». Там тоже сразу был обозначен срок и процессы. Нужны точки выхода.

— **Здесь звучит тема сложности сочетания базовых вещей, необходимых людям с особенностями — таким как сопровождение, поддержка, социализация, терапия — с искусством. Ведь у театра результат — спектакль, показ, фестиваль, и нужно сделать так, чтобы он не стал фондом поддержки. Или он должен им стать?**

— Все зависит от миссии. Мы договорились (в том числе, с участниками), что наша миссия немного в другом: чтобы менялась культурная среда. Когда я вижу, что у наших участников завязываются связи с другими музеями, театрами помимо нас — это сверхрезультат нашей деятельности. Ведь благодаря нашим занятиям они познакомились, закрутилось общение.

— **О площадках. Как получается на них выходить? Например, в случае с «Театром на Литейном». Что здесь играет роль — люди, знакомства, сам контент?**

— В нашем случае сработало знакомство. До этого я как продюсер сотрудничала с проектом «Блокадный дневник» (проект Яны Туминой), и договаривалась с «Театром на Литейном», чтобы этот спектакль встал в репертуар. Мы прошли длинный путь знакомства и опыта копродукции независимого проекта и государственного театра. Так мое следующее обращение легло на опыт этих переговоров.

Еще я бы сказала, что работает длительность. С Новой сценой Александринского театра мы фактически начали разговор с нуля. Но надо понимать, что до этого там были инклюзивные проекты Бори Павловича, и те проекты, которые сама Александринка делала. Но в наших переговорах сработала именно длительность. В 2020 году мы должны были там запускать премьеру, а говорить об этом начали в 2019-м. Потом наступила пандемия, все заморозилось, а как только снова стало открываться, мы

вернулись к этим разговорам. И в апреле 2021 года провели на площадке театра форум «Театр как инклюзивное пространство», куда приглашали коллег, в первую очередь, из государственных театров, а также из НКО и инклюзивных театральных проектов.

Следующим шагом после форума стала наша совместная с Александринкой лаборатория. Так что это многосоставный процесс. Думаю, партнерство срабатывает еще, когда сначала ты пробуешь на чем-то маленьком. Например, форум был три дня. Большой проект, локализованный во времени. Далее, если все происходит нормально — можно ввязываться в более объемные процессы.

— **То есть не приходиться сразу с фестивалем, а начинать с чего-то малого.**

— Да, можно начать, допустим, с мастер-класса. Я расскажу о неудачном опыте. У нас был один партнер, с которым мы решили провести совместный проект, так как наши совпадали по возрасту 65+. Мы провели одну предварительную совместную встречу, оказалось, что есть заинтересованность. Вписали этих партнеров в грантовую заявку. А потом оказалось, что эти договоренности не работают: каждый раз, когда мы шли на взаимодействие, его не происходило. Нам было бы сильно легче, если бы мы это поняли до грантовой заявки. Интерес есть — а практических результатов нет.

— **Очень полезный опыт. Прежде чем брать обязательства, возможно, лучше пообщаться без обязательств, получается. Сейчас инклюзивных проектов много, и они довольно популярны. Многие стараются масштабировать свои результаты, чтобы привлечь средства, но при этом возникает некая стрессовая ситуация. Когда в проектах заявлено огромное количество результатов, все они «валятся» на участников, которые просто устают. Так сама инклюзия становится инструментом манипуляции, приобретает агрессивный характер.**

— Это так. Например, сейчас мы не закладывали в грант сам спектакль. Потому что это новая группа, она идет в своем темпе. Было понятно, что мы только друг к другу присматриваемся, и если поставим в задачи сразу спектакль — можем не пройти какую-то важную часть пути по взаимодействию. Для любого театра, но для социального в первую очередь, важно, как команда взаимодействует, уровень партнерства и то, насколько человек уверенно себя чувствует в процессе. Поэтому с молодежной группой мы прописали только открытые уроки.

Еще важно, чтобы инклюзия не монополизировалась. Например, если мы говорим Комитету по культуре: вы должны обучить всех ваших сотрудников тифлокомментированию, сделать то-то, получить сертификаты и только после этого вы вправе что-то делать. Или еще хуже -- если их сверху обяжет это делать министерство. Если мы будем поступать так, это будет как воронка. Как только что-то превращается в «обязаловку», оно перестает работать.

С одной стороны, когда Министерство культуры ставит инклюзивные проекты в госзадание — это стимулирует к действиям учреждения, которые сами до этого пока не дошли. Да, зачастую все формально: привели группу, программу не адаптировали, отчитались «для галочки». Но, возможно, нужно пройти этот формальный этап для того, чтобы что-то живое стало прорастать. Если существует задача проставить галочки, то, когда к тебе приходит проект, это соединяется с другим, неформальным, подходом, и со временем что-то продуктивное может получиться. Есть огромное количество музеев и театров, которые уже проделали большой путь в этом направлении.

Интервью: Марина Абаджева

«Задача — чтобы границы стерлись»

Автор картины: Соломатин Константин

Мария Опоцкая — художник, арт-терапевт и арт-педагог студии «Да» и один из мастеров в инклюзивных мастерских «Простые вещи». Это открытое пространство в Санкт-Петербурге, где взрослые люди с особенностями развития психики и интеллекта работают на равных с художниками, ремесленниками и волонтерами в пяти мастерских и создают простые и полезные в быту вещи. Мы попросили Машу поделиться своим опытом работы в мастерских, рассказать о том, как устроен проект, как организован творческий процесс, как особому художнику и мастеру получить возможность зарабатывать деньги на собственном творчестве.

— Проект открылся в феврале 2018 года, история его такова. Есть в Санкт-Петербурге студия «Да», она уже 13 лет занимается социальной работой, творчеством — анимацией, созданием мультфильмов — с разными детьми: попавшими в трудную жизненную ситуацию, онкобольными, детьми из социальных центров. Я много лет являлась волонтером студии, и с какого-то момента — одним из педагогов. Мы с коллегами задумывались о том, что много сильных проектов в Петербурге по работе с детьми, но очень мало для взрослых с особенностями психики и интеллекта. Мало проектов открытого формата, где люди могут встретиться с нормотипичными людьми и быть вместе в творческом процессе.

Мы понимали, что наши дети растут, и потом им некуда идти. Наших мощностей не хватало. И вот к нам пришла Мария Грекова, она закончила в Москве институт на специального педагога и имела опыт работы с такими людьми. В столице она тоже увидела, что есть закрытые проекты для людей с особенностями, но нет открытого безопасного пространства для знакомства, где можно общаться без стигматизации.

Она захотела делать такой проект в Петербурге и вышла на нашу студию: мы поняли, что наши идеи про одно и то же. Получили грант Фонда президентских грантов (ФПГ). Костяком были — мастера студии «Да», Маша Грекова, и постепенно стали прибавляться люди в административную часть проекта и мастера из академии Штиглица, мои знакомые, так как я по первому образованию художник. Изначально это были: мастерская графическая, текстильная, керамическая и кулинарная, через год появилась столярная, арт-студия и через год — инклюзивное кафе «Огурцы». Сейчас в команде 36 человек: и мастера, и административная часть (фандрайзеры, сммщики), мы разрастаемся усиленно.

— Первый толчок — грант, а как перешли от него к постоянной организации?

— Мы два или три раза получали грант, полгода работали без него, сейчас тоже есть грант, но не от ФПГ. Но так как производство расширяется, мы надеемся выйти на самоокупаемость.

Если говорить об устройстве мастерских. В каждой два-три мастера. Есть особые мастера, есть мастера-руководители. Рабочий день строится так: в первой половине дня мастера работают в одной мастерской, затем два часа перерыв, и большинство переходят в другую мастерскую, чтобы не было утомления от того, что занимаешься только одним делом.

— Все дееспособные, или есть те, у кого опекуны?

— Так как одна из целей проекта — трудоустройство, то все дееспособные, иначе их официально не трудоустроить. 50 особых мастеров сейчас, и 30 из них трудоустроены. Им выплачивается часть квоты от спонсоров и часть пособия Центра социальной занятости населения.

В мастерских нет людей с нарушениями двигательных функций, так как, опять же, стоит задача трудоустройства. Бывает, попадают ребята послабее, тогда подбираем задачи, с которыми они могут справиться. В начале пути были ребята с сопровождением тьюторов, но мы поняли, что не можем себе этого позволить.

Сейчас мы работаем на пределе мощностей. Очень много людей приходит. Пару раз газета «Метро» о нас написала, и по 5 человек тогда приходило каждый день. Но в основном работает «сарафанное радио». В последний год появилась даже практика, что из других городов переезжают люди с детьми, чтобы устроить своих детей на работу. Скоро откроется пространство «Нормальное место», и мы сможем расшириться. У нас есть лист ожидания. На собеседованиях, которые проводит Маша Грекова, она понимает, будет ли человеку комфортно у нас работать, и где именно.

— Здорово, что это так востребовано, можно тиражировать опыт, выдавать франшизу.

— Сейчас коллега из Европейского института ходит на занятия, наблюдает за процессами, и его задача написать методическую разработку про то, как это делается: для того, чтобы люди, которые хотят и и могут в других городах подобное организовать, могли бы получить эти документы и начать работать.

— Есть ли какие-то требования к мастерам? Должностные инструкции?

— Есть правила для мастеров, внутренние правила для работы внутри мастерских. На собеседовании критерии: желание и вовлеченность, а не «родители заставляют». Смотрим на агрессию и аутоагрессию. К сожалению, это невозможно совместить с рабочим процессом в команде. Остальные критерии такие же, как на всех других работах. График у всех мастеров разный. Кто-то 5 дней работает, кто-то 3. Зависит, от кого они трудоустроены. Если от центров по трудоустройству, то там есть жесткие требования, которые нужно выполнять.

— Расскажи, пожалуйста, про арт-студию.

— Первые два с половиной года я работала в графической мастерской и занималась выставочной деятельностью наших художников. Но это все было возможно в мире до коронавируса. Эта мастерская, как я уже говорила, создает графику, которая потом на всю тиражную продукцию идет. Но там достаточно жесткие рамки, дизайнер присылает четкое задание — чаще всего это графика черным маркером. Я в какой-то момент поняла, что среди мастеров есть художники с большим потенциалом, и что рамки внутри наших занятий не дают реализовать его полностью. Хочется красками работать, другими материалами. И так как я сама художник по образованию и до студии «Да» у меня был пятилетний опыт преподавания в качестве художника-педагога, мы с коллегой, Екатериной Шрагой придумали внутри графической мастерски ответвление — арт-студию.

Это такое пространство, в котором ребята могут работать не в рамках техзаданий, и мы их концептуально не направляем. Это расширило линейку технических средств, они стали писать акрилом. То есть арт-студия возникла, когда я поняла, что художникам недостаточно свободы в рамках графической мастерской. И все, что происходит внутри арт-студии, что является результатом работы — прямо произведения искусства. У нас было несколько выставок: например, выставка в Русском музее, которую сделал их социокультурный отдел. Мы проводили один аукцион с нашими друзьями — проектом «Широта и долгота». И дальше планируем проводить аукционы, к нам обращаются специализированные аукционные платформы: есть большой интерес к ар-брюту. Также к нам обратились ребята, которые организывают виртуальные выставки: так шагнул рынок искусства, что можно купить цифровое изображение.

Произведения арт-студии постепенно внедряются в оформление продукции, но это нишевая история. Недавно мы выпустили постеры. Возможно, в коллаборации с дизайнерами мы сможем выпускать продукцию с живописью художников арт-студии. Я надеюсь, что это произойдет в виде маленьких лимитированных серий.

— Можешь поделиться историей кого-то из ребят, посещающих мастерские?

— Расскажу про Славу Михайлова. Кто видел фирменный стиль «Простых вещей», наверняка помнят таких его персонажей, как «граждане»: такие человечки, они используются на наших изделиях. Для меня интересно было развитие его творческого пути. Он рисовал дома, а потом перестал. У Славы есть несколько предметов интереса — метрополитен и советские автомобили. Он бесконечно рисовал карту метрополитена, знает, какая станция и когда была построена каким архитектором. И он рисует идеально ровные линии. Он узконаправленный мастер, работает только в графической мастерской.

И когда мы предлагали использовать цвет — еще до того, как появилась арт-студия, когда не было заказов, мы давали возможность использовать разные материалы. Слава отказывался, кричал, что никогда в жизни не будет пачкаться, не будет работать красками. А сейчас он пишет огромные полотна акрилом. Это про внимательную работу, нежное, методичное сопровождение. Ему нужно было почувствовать себя достаточно безопасно, чтобы расширить диапазон художественных материалов. В какой-то момент он сказал — все, я буду красками работать. Это был прорыв. Мы показали родителям, и они не могли проверить, что он работает красками.

Следующим интересным рубежом Славиной творческой археологии стало то, как в мир его персонажей стали внедряться женщины и девочки. У граждан стали появляться гражданочки, это было праздником для нас. Это история внутри творческих аспектов.

А вообще много классных историй, как ребята в гости стали друг к другу ходить. Иногда родители пишут нам сообщения: «Я сегодня в первый раз чувствовала себя такой счастливой, потому что к Никите сегодня пришел Слава в гости». То есть к ее сыну кто-то впервые пришел в гости. Или как у ребят повысился очень уровень бытовых навыков. Внутри мастерских у нас много задач, не только по трудоустройству ребят, но и направленных на то, чтобы они становились более автономными. Потому что, к сожалению, когда в семье ребенок, подросток с особенностями развития, проблематично от него что-то добиться, и родители уже с минимальным ресурсом делают за него многое сами. Так как у нас ресурса больше, чем у родителей, мы много внимания уделяем тому, чтобы ребята сами бытовые вещи делали. И в какой-то момент они стали, например, дома посуду мыть, хотя такого раньше никогда не было. Казалось бы, пустяк, но внутри семейной истории это огромный прорыв.

— Я думаю, здесь важно понимать, что работа с человеком с особенностями — это всегда путь очень долгих повторяющихся шагов. Может казаться: то, что ты делаешь как педагог, пропадает в никуда, что человек не реагирует, ему это не нужно. Мы не можем предугадать, в какой момент человек перейдет на новый уровень.

— Все верно, но часто люди помогающих профессий в работе с особыми людьми испытывают чувство отчаяния. Я и сама неоднократно испытывала это чувство, на нем важно не застрять. Иногда казалось — все, Слава никогда не начнет работать красками, но мы шли дальше. Также важно слышать, видеть потребности человека.

— Расскажи про трудности, с которыми ты сталкивалась?

— Были бытовые трудности — мало места, много ребят. Были и творческие — многие из них связаны с амбициями. Иногда мы что-то такое задумываем и забываем про возможности ребят, про их особенности. Такие истории нередко происходят с режиссерами в инклюзивных, социальных пространствах. Мы приходим с иллюзией, с желанием того, что сейчас мы их так настроим, что они круто придумают какой-то сложный сюжет. Но не всегда получается, потому что в этот момент наши амбиции выше ментальных возможностей ребят. Мы понимаем, что они необычно, классно мыслят, можно выехать на каких-то их фишках, но все равно то, чего мы хотим, они не придумают. И важно уметь вовремя отказаться от своей идеи и ожиданий, понять, что реально эти люди могут, каким образом можно взять эти волшебные крупитцы и создать что-то цельное. Вот это про амбиции и про возможность проявлять гибкость. Очень нужно уметь перестраиваться по ходу творческого процесса. Жизнь сама по себе переменчива, а у ребят с особенностями еще больше. Кому-то изменили терапию, на кого-то влияет смена сезона и так далее.

— А как ты готовишься к занятиям?

— В рамках арт-студии у меня мало подготовки, так как у художников свои установившиеся техники. Я помогаю с материалами, грунтую, мешаю краски. Когда я работала в графической мастерской, нужна была какая-то подготовка. Например, приходит заказ на определенную тему, я подбираю классный графический материал, чтобы ребят вдохновить, какие-то книги ищу, истории. Когда у нас были группы по созданию анимации, там было много подготовки режиссерской и технической. А в арт-студии я их подмастерье.

— То есть занимаешься сопровождением процесса. Интересно, что это можно транслировать на разные занятия: можно идти уже с готовым планом или подключаться к процессу и в нем существовать.

— Да, ведь к каждому художнику очень индивидуальный подход. У нас есть Павел Дедов — у него творческих планов больше, чем у всех нас вместе взятых. Он делает перчаточных кукол, коллажи с динозаврами... А есть ребята — сильные художники, но и им иногда нужно помочь с сюжетом. Виктор Суздаlev очень круто пишет натюрморты с фруктами. Я ему ищу экзотические фрукты, и в этом заключается моя ему поддержка.

— Какие ты видишь ваше дальнейшее развитие?

— Я начну сейчас утопические идеи рассказывать. Мне бы хотелось, чтобы понятие инклюзия через какое-то время вообще перестало существовать. Что бы весь мир стал инклюзивным, чтобы не было такого разделения, что «Простые вещи» — это инклюзивный проект, а другая мастерская — не инклюзивный проект. Чтобы люди с ментальными или физическими особенностями были бы равноправной частью общества, как и мы все. И чтобы весь мир и вся инфраструктура были заточены под это.

А в плане искусства у меня неоднозначный взгляд на терминологию ар-брют. Ведь нет искусства людей, больных насморком или ревматизмом, а ар-брют есть. Хочется, чтобы эта граница тоже стерлась. Поэтому в своей кураторской деятельности я большим фокусом работы видела не устраивать выставки ар-брюта или особых художников, а интегрировать работы наших художников просто на современный выставочный рынок. Это для меня основная задача — чтобы границы стерлись.

Интервью: Марина Абаджева

«В этом присутствующем поддерживающем внимании можно раскрыться»

Автор картины: Быкова Виктория

Вера Щёлкина — танцевальный художник, преподаватель движения, куратор инклюзивного направления «Нормальные танцы». Этот проект — новый для нашего города, он будет работать в пространстве «Нормальное место». Да и само направление хореографии, пластических перформансов с людьми, у которых есть нарушения развития, еще непривычно для России.

— Вера, расскажи, пожалуйста, о проекте, команде, как все это вообще образовалось?

— Меня пригласила участвовать в нем Дарья Малашенко, которая сейчас работает в «Огурцах» (инклюзивное кафе — прим. ред.). У нас была мечта, что в «Нормальном месте» будет танцевальный зал, и вот потихонечку мы начинаем ее воплощать. С Дарьей мы периодически говорили о том, что художественные проекты важны для особых ребят, о том, что такое инклюзия. Я, например, воспринимаю инклюзию очень «выворотно». Для меня важно, что не я пытаюсь кого-то вывести в норму, а я становлюсь тем, кого обучают. Я пытаюсь принять, что могу включиться в какой-то другой способ мышления или движения. И так мы пришли к названию «Нормальные танцы».

С Дашей мы привлекаем танцевальных и соматических кураторов. Мы составляем программу, в данный момент ее веду я с соучастием других практиков. И, например, если я уеду в Москву на неделю, есть люди, которые подхватят процесс. У нас работает Анна Харина, Павел Шаргала. Команда горизонтальная и пополняемая.

Вместе с инклюзивностью проекта мы тестируем инклюзивную иерархию. Нет того, кто главный. Идет постоянное обсуждение, как именно будет проводиться занятие. У нас есть огромный GoogleDос, где мы предлагаем какие-то практики, есть обратная связь, критика -- это прошло хорошо, а это не очень. Есть видеозаписи занятий, где мы тоже отслеживаем, что куда движется, как это выглядит, куда направляется внимание ребят. Как будто это такой большой, с одной стороны, исследовательский, с другой стороны преподавательский проект, как будто одновременно происходит очень много слоев внутри занятия, и мы все их пытаемся отслеживать.

— Получается, что у вас есть место, есть два куратора и приходящие специалисты, есть люди с особенностями. И происходит инклюзия, в том числе для преподавателей. Все, кто хочет, может участвовать, или существует отбор?

— Да, есть пробные занятия, но мы молодой проект, и пока занятий было немного. Мы приглашаем людей, смотрим на статистику изменений и планируем продолжать в будущем. То есть пока что я не могу громко о чем-то заявлять.

— Можно говорить о том, как вы это видите.

— Сейчас мы конструируем план занятия, все время его поправляем. Есть желание привлечь практиков со стороны, они могли бы провести внешний кусочек, который тоже встраивается в эту структуру. Важно понимать, что структура — критичный здесь момент. Потому что особым ребятам мы предлагаем рамку: определенным образом начинаются занятия, определенным заканчиваются. Нельзя кидать все время что-то новое. Нужно постепенное развитие.

— Как выглядит эта рамка?

— Она довольно проста, взята из практики современного танца: мы предлагаем ребятам назвать свое имя — потому что у нас иногда меняется состав, приходят новые люди, и скорее всего, они и дальше будут приходить и уходить. Далее предлагаем выбрать движение, которым прямо сейчас они являются. Это происходит в самом начале и в конце, очень хорошо начинает и завершает процесс. Есть набор практик хождения по пространству, работа с кругами внимания, работа в паре, которые повторяются из раза в раз. Есть формы развития — мы идем анатомически, мы идем, развивая хореографию, встраивая, может быть, какие-то связочки коротенькие. Но в целом много импровизации внутри, поэтому рамка довольно важна.

— А сколько у вас сейчас ребят и откуда они?

— 10 особых ребят из «Простых вещей» и 5 нормотипичных ребят, которые записались. Не люблю эти обозначения — нормотипичные и так далее. В основном приходят знакомые практиков, кураторы мастерских «Простые вещи» приходят. Это круг знакомых, мы не делали ставку на большую рекламу, пока мы ограничены площадью. Будем добирать группу, когда откроется «Нормальное место».

— Интересно, как будут вливаться люди совсем со стороны, у вас есть какой-то план их вхождения?

— Пока это происходит так — записался, пришел. Мы воспринимаем слово «инклюзия» очень естественно. Я вот даже сейчас подумала, что если я специально не буду считать соотношение 10 к 5, то я даже не смогу его навскидку сказать, как будто нет этого разделения в моей голове.

— И в самом процессе занятий тоже — это просто коллектив?

— Естественно, кому-то что-то сложнее, что-то легче, но точно так же мы работаем в группе непрофессионалов и профессионалов. У всех свой веер возможностей, есть часть людей, кому легче справиться с задачей, есть, кому сложнее, у нас у всех по-разному работает мозжечок, нам по-разному даются движения-связки. Мне вот, например, ужасно сложно запоминать хореографию чужую. Поэтому по ходу мы помогаем, отслеживаем, видим, кому что сложнее дается, и включаемся. Именно поэтому у нас не один практик ведет занятия. И я бы внедряла такой подход в работу с профессиональными танцовщиками, так как это очень ускоряет процесс.

— Получается, инклюзивные проекты немного расшатывают сложившуюся профессиональную структуру, вносят что-то свое в этот процесс?

— Проект «Нормальные танцы» строится с участием людей, которые не из строгих иерархических структур, мы все имеем корни в современном танце, где есть проживание от первого лица, есть установка, что все нацелены увидеть изменения и как-то их зафиксировать. Как я вижу изменения, как я вижу увеличение амплитуды движения у кого-то. Как я вижу улучшенную — тоже ужасное слово — изменяющуюся моторику у ребят, меняющееся внимание, открытие внимания. То есть, скорее всего, это какой-то большой исследовательский формат, и «иерархия» не совсем наше слово.

— Для тех, кто собирается создавать подобные проекты, важно понимать, что нужно перестроить себя в первую очередь на другой ритм, что, возможно, классические формы из школы, театра не подойдут. Могла бы ты рассказать про ваши методики? Соматические практики ты упоминала.

— Это мои любимы «рельсы» соматические, я обучаюсь в соматической академии в Берлине. Академия, которая соединяет несколько разных методов соматических. Аня Харинова тоже обучается соматической практике в Москве, и в целом мы как будто соответствуем парадигме этого мышления. В ней мы работаем не над тем, что пытаемся создать форму, а над тем, чтобы проживать себя как тело. Могу ли я не отделять себя от своего тела и могу ли чувствовать, как его распространяю в своей форме. Ну и так далее. Может быть, это сложные какие-то слова, но соматическая парадигма мышления — она очень сильно меняет подход к танцу. Конкретные вещи: на занятии мы исследовали кости, смотрели, где они находятся в теле, можем ли мы их пощупать, наблюдали за тем, вспоминали, что кости являются нами же самими. Мои кости прямо сейчас дезинтегрируются, их съедают определенные клетки, их делают определенные клетки — я человек, который является процессом. Мы брали косточки, щупали их в паре. И дальше мы работали над тем, чтобы увидеть, какие формы движения производятся в разных местах в теле. И как именно мы можем чувствовать, что прорастаем внутри себя собственным скелетом. Вроде это простые формы мышления, но они дают возможность не оперировать словами «грудь вперед», «согнуться вбок», а немножко по-другому формировать тело. Как-будто погружение внимания в определенную зону в теле, в определенную систему, в костную, кровяную, в кожу. И для ребят, мне кажется, это очень важная вещь, что ты учишься метанавыку перемещения внимания в собственном теле.

Для многих сложно изолировать и локализовать свое внимание в определенной зоне тела потому, что мы живем в культуре, которая представляет тела очень определенным образом. Эти тела функциональны, они должны совершать то и это движение. Вот мы сидим на стуле, мы всегда работаем за компьютером, всегда ходим по улице. У нас прямые линии, все очень четко. Наша культура формирует наше тело. И в каком-то смысле нашей культуре не очень важно, чувствуем ли мы свой крестец, можем ли ощутить, что наш копчик двигается, что наш подвздошный сустав плавает внутри своего тела. Но способность перемещения внимания внутри тела и коснуться всех этих слоев очень сильно оживляет и меняет мышление.

При этом надо сказать, что мы не избегаем каких-то связок или повторов движений. Но мне хочется тела развиваться в данный момент больше. То есть работать над формами, которые помогают выстроить определенные связи в теле.

— Да, я слушаю и мое тело отзывается, я чувствую, на каком расстоянии стена... Поскольку наши читатели не обязательно профессионалы, может быть, есть практики, которые они могли бы интегрировать в свои занятия?

— Я использую формы Тай-Цзи, Кунг-Фу, йоги, формы современного танца, перформативные практики, естественно — присутствие на сцене, работа с вниманием, присутствие в зрительском внимании. Способность падать, двигаться назад, чувствовать заднюю линию тела и пространство за спиной. И это невозможно поделить между особенными и обычными, это нужно всем.

— И конечно, это нужно сначала пропустить через себя.

— Да, я бы точно не рисковала, услышав, что вот есть бокс, и давайте боксировать. Это, конечно, должна быть практика, которая проходит через вас какое-то большое количество лет. Я понимаю, как меняется мое тело, и я могу это предложить другим. Это не только про особые проекты, но и про все.

— Есть ли у вас какие-то цели, стремитесь ли вы к какому-то результату, или пока это процесс?

— Тут важно определить, что понимаем под целями и процессами. Процесс — это часть результата. Как если мы ставим какую-то цель перед ребятами, перед собой — например, мы сделаем внутренний показ. Или мы сделаем какую-нибудь презентацию, художественную работу. Постановка этой цели уже сильно способствует изменению, например, внимания, и изменению концентрации. По работе со студентами я замечала, если мы что-то планируем ставить, то все приходит к концентрации, вырастает вовлеченность. Я действующий танцевальный художник, у меня есть требования к точности формы, но нужно соблюдать баланс, чтобы человек не перегрелся, и сохранилась его вовлеченность.

— Общество заточено на результат.

— Да, один из учеников говорит: «Ну хорошо, мы тут занимаемся, а когда мы будем выступать на международном уровне?», и я вижу этот драйвер в нем, желание изменений. Есть очень тонкая грань между «вот я вышел на сцену, что-то сделал, и у меня получилось» и «я не справился». Эта форма удовлетворенности, она очень завязана на внутренний результат каждого человека. Тут главное не обрубить и не скашивать это все под одну гребенку. Выступление — главный мотиватор, и он не фейковый.

— Сейчас у нас вопрос оценки выступлений с особыми людьми на уровне «молодцы, что вышли».

— В нашем обществе парадигма идеального тела, современный танец тоже имеет с этим дело. Партнер и партнерша — мальчики сильные, девочки легкие. Есть одна работа, посвященная разным телам: там были на сцене старик, девушка в инвалидной коляске, балетный танцовщик. Так и мы работаем с чем-то, что не завязано на «идеальное» тело, чем бы оно ни было. Поэтому проект называется «Нормальные танцы». У нас есть подборка интервью с ребятами, где мы спрашивали, что такое нормально, это очень важная вещь — что мы воспринимаем нормой.

— Не сталкиваетесь ли вы на занятиях с ситуациями, которые требуют дополнительно психологической поддержки? Я с этим столкнулась в студии «Да», где веду театральные занятия сейчас. Один из участников поделился, что хотел бы протянуть к нам руки, но не может, а мы сказали, что можем протянуть к нему свои.

— Здесь помогают все, кто присутствует — есть ведущий и есть те, кто помогает. Мы отслеживаем, какие сложности возникают. Вопрос, что есть норма? Для вас норма, что есть руки, а для него, что их нет. Я знаю, что у меня закрытые плечевые суставы, я знаю, что я не встану на пуанты и это моя норма, но зато я вижу, где мой потенциал. Мы видим потенциал каждого, и мы можем в нем ошибаться. Важно давать возможность увидеть свой потенциал каждому. У нас бывают, например, моменты с касанием: есть места на теле, которых человек отказывается касаться. Ну отлично, ты отказываешься касаться, на сегодня это для тебя ограничение, никто не будет заставлять. Имеет смысл показывать, куда ты можешь двигаться дальше, иногда ошибаться, поправляться. Видеть неожиданные вещи, которые человек может делать. У меня много открытий: я рассчитываю, что занятие пойдет по одному плану, и вдруг вижу, как все динамически быстро схватили и все, им уже скучно, нужно идти дальше, и приходится наращивать обороты.

— Значит, необязательно нужна конкретная психологическая поддержка, а могут быть тьюторы, соведущие, которые в нужный момент готовы подключиться к тем, кто испытывает трудности, и вместе с ними нащупать возможный для него путь.

— Про тьюторов, мне кажется, здесь важен метанавык, и мы ищем людей с таким навыком — быть очень внимательным, сразу опознавать, если человек вдруг начинает где-то стесняться, ограничивать себя или не идти куда-то. Эти миросжатия — они сразу видны. Нужно быть рядом и наблюдать. В этом присутствующем поддерживающем внимании можно раскрыться.

Интервью: Марина Абаджева

«Ты научился ходить, но ходить тебе некуда»

Автор картины: Белянин Дмитрий

Мария Ягодина — директор благотворительной организации «Все дети могут», многодетная мама. В контексте особого искусства мы попросили ее рассказать о мастерской, где ребята делают замечательные украшения для интерьера.

— Расскажи, пожалуйста, историю проекта: как возникла идея, почему она была важна для тебя, кто вошел в команду?

— Когда мы начали проект мастерских, а это был 2018 год, в Новороссийске у нас уже была зарегистрирована некоммерческая организация, мы консультировали семьи, в которых росли дети с тяжелыми множественными нарушениями развития, и проводили регулярные занятия для детей — групповые и индивидуальные. Мы — это всего лишь двое: я и мой муж Валерий Ягодин, который тогда уже был эрготерапевтом, а я работала как специальный педагог. У нас были дети, с которыми мы занимались регулярно, и 10 семей, которых мы консультировали периодически.

В 2018 году наш старший сын Андрей заканчивал 9-й класс коррекционной школы (Андрей — приемный сын Марии, она познакомилась с ним в ДДИ № 4 в Санкт-Петербурге, когда проходила свой Добровольный социальный год в одной из программ «Перспектив» — прим. ред.) у него в классе было еще 7 ребят с ментальными нарушениями. Соответственно, после школы им некуда было идти ни учиться, ни работать. Кто-то умел читать, кто-то писать, но большая часть и этим не могла овладеть. У них учительницей был создан коллектив, они друг с другом дружили, то, что учительница сумела — создать отношения между ними. И я понимала, что вот у них начнутся летние каникулы, и после каникул им некуда идти. Они утратят и навыки, приобретенные в школе, и ту установленную между собой связь.

Мы написали проект и впервые подали заявку на грантовую поддержку в Фонд президентских грантов. Поскольку Валера эрготерапевт, то мастерская — как раз та область, где его специализация очень полезна и нужна. На родительском собрании мы рассказали про проект, родители не поняли, зачем это нужно. В итоге мы выиграли грант, три семьи согласились участвовать в мастерских, и трое ребят из других семей. У нас было помещение 20 кв. метров, с общей раковиной в дальнем коридоре. Ребята приходили с 9:00 до 13:00. Работали Валера как эрготерапевт и руководитель мастерской, и два ассистента. Те родители, что разделяли наши ценности, стали водить ребят в мастерскую, присоединились другие, Андрей, наш сын, получил занятость. Для него это очень важно, мы очень боялись, что он останется без всего. Сначала ребята пекли хлеб, Валера подбирал такую деятельность, которая одновременно была бы терапией и получался какой-либо продукт. Все ребята были старше 16-ти.

— Как можно было бы сформулировать цель мастерских?

— В первую очередь, чтобы у ребят была дневная трудовая занятость, жизнь социальная, чтобы она не заканчивалась по окончании школы. Наши были счастливчики, кто учился в классе, а большинство и школ не посещают. Дневная занятость для того, чтобы ребята проводили свой день так же, как и мы с вами. Мы этим всегда руководствовались и продолжаем. Подросток либо взрослый человек — он в этом нуждается, это его потребность. Мы всегда говорим про концепцию нормализации жизни, дневная занятость делает жизнь человека с особенностями нормальной. А чем наполнять эту дневную занятость — здесь большой простор. Как малый бизнес — что придумывает, тем и занимается. Так же и мастерская занимается, чем придумает. Какие у нее есть ресурсы, мастера или кто-то еще — это все не так важно, как то, что чтобы такие места вообще были. Чтобы ребята там могли сохранять имеющиеся навыки и приобретать новые.

— Можно ли сказать, что вы занимаетесь развитием взрослых? Обычно слово развитие применяется к детям.

— Я последнее время много об этом говорю. Меня эта точка абсурда стала волновать. Мы гигантские силы вкладываем как родители, педагоги, специалисты, организации, как люди, поддерживающие благотворительные программы или реабилитации для того, чтобы особых детей научить навыкам самостоятельного обслуживания: как есть, ходить и т.д. При этом, когда они вырастают, им негде это применить. Мне кажется, это абсурд и должно быть наоборот. Мы должны видеть, как выглядит жизнь взрослого человека с особенностями развития. И видя эту жизнь, понимать, чему мы должны его научить. Так же как с обычным ребенком. Взрослая жизнь — она такая, и ты должен знать математику, уметь планировать и взаимодействовать в команде.

Так же с человеком с особенностями. Если мы знаем, что есть какое-то место в конкретном городе, которое готово его принять, мы будем учить его, как до этого места добраться, как выполнять какую-то деятельность — и хорошо, чтобы он мог выбрать, какую. И моя боль, что мы их учим, учим, наступает 18 лет, и мы хватаемся за голову, что применить ему это негде. Ребенок вложил кучу сил и надежд, а применить ему это негде. Ты научился ходить, но ходить тебе некуда.

Поэтому мы начали проект «Взрослая жизнь», общаемся родителями детей и говорим: «У вашего ребенка взрослая жизнь, скорее всего, будет выглядеть так, поэтому смотрите, что нужно, чтобы он мог быть в такой ситуации успешным, и давайте его этому учить». Тогда и семья видит, к чему они идут, что из него вырастет. Мы часто сталкивались с тем, что родители детей с синдромом Дауна никогда не видели таких взрослых вживую. Это их фрустрирует, они не знают, как это взросление будет происходить. Поэтому давайте учить его тому, что он сможет применить и не будем учить тому, что не сможет.

Поэтому это развитие, да. После 9 лет в школе дети приходят в мастерскую и не умеют держать в руке ни кисточку, ни ручку, ни тем более шлифовальную машинку. То есть в принципе ничего в руках держать не могут. Потому что функция руки не то что не развита, а в руку ничего не давалось никогда. И мы начинаем заниматься тем, чем могли бы заниматься они в первом классе, возможно, вместо того, что ему никогда не осилить. Мы из-за этого расстраиваемся, но хотя бы понимаем проблему. Поэтому сейчас идти с обратной стороны разумнее, создавать взрослую жизнь, чтобы понимать, к чему мы готовим особых детей.

Развитие длится всю жизнь, человека с особенностями нельзя раз и на всю жизнь научить. Мастерская, сопровождаемое проживание построены на принципе обучения. То есть ребята там постоянно обучаются. Нет такого, что вот он обучился и все. Человек с ментальными особенностями нуждается в постоянном повторении, скорее всего в течении всей жизни, для того чтобы навыки сохранялись и развивались. И совершенствовались.

— Насколько сильные нарушения у ваших ребят? Может ли идти речь о трудоустройстве в будущем?

— Целевая группа — люди с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР), мы начинали с них, и по большей части к нам попадают «тяжелые» ребята. Но вот, например, сопровождаемое проживание подразумевает смешанную группу. Мы не можем набрать 6 ребят с ТМНР. И это нас привело к тому, что к нам стали обращаться семьи с ребятами с более легкими ментальными нарушениями. Я всегда занималась ребятами с ТМНР, в школе коррекционной сталкивалась ребятами полегче. Друзья у нас есть с более легкими нарушениями, но их трудность такая же. Они попадают в ту же самую категорию, что ребята с ТМНР, поэтому трудоустроить их родителям тоже проблематично.

— Зарплату у вас в мастерских ребята получают?

— Нет, не получают, у нас только в этом году появились более сильные ребята, проходят курс тренировочного проживания, а дневная занятость у них в мастерской. В данный момент у них цель — обучение проживанию в тренировочной квартире. Есть много идей, их можно было бы устроить в кофейню, пекарню, но нужно сопровождение, обучение всего коллектива, то есть много дополнительных ресурсов, которых у нас сейчас нет.

— Маша, а как проходят занятия в мастерской, как организована работа?

— Сейчас в мастерскую ходит 10–12 ребят ежедневно. У них рабочий день с 9 до 17, кто-то ходит на полный, а кто-то с 9 до 13. Есть возможность прийти на полдня, если нет сил на больше или есть еще какая-то занятость. Начинается день с «круга». После него ребята распределяются по группам, мы совсем недавно сделали разделение на две группы: «тихони» и «весельчаки» мы их назвали. Одни шумные — им нормально, а другим ненормально, когда шум, и мы предложили им разделиться.

Ребята занимаются обработкой дерева. Это дерево, уже обработанное морем — дрейфвуд, который мы собираем с ребятами на пляже. Они его шлифуют, сверлят, пилят, красят, делают интерьерные изделия — ключницы, зеркала, часы, новогодние игрушки. Мы тоже к этому плавно пришли. Работа с деревом решает много важных вопросов в плане терапии для ребят. Функции руки, можно много чему научиться. И вторая деятельность: ребята делают ореховые пасты. И тут тоже интересно, что каждый орех колетса по-разному, соответственно, ребятам можно потренировать разные навыки.

Валера как эрготерапевт ставит цели для каждого из ребят: чему может и должен научиться человек за год. Вместе с ассистентами они их прописывают, потом проводят в середине года мониторинг, что удалось-не удалось, частично удалось. И получается, что ребята это на занятиях тренируют.

После «круга» у них час работы, потом они собираются и идут на обед в столовую. Затем час прогулки, возвращаются в мастерскую. Дневной «круг» для тех, кто пришел во вторую смену, опять час работы, перекус, час работы, отдых, заключительный «круг», и они расходятся по домам. Такой график у нас каждый день, и ребята с ним справляются. Иногда мы вместо работы можем пойти на пикник, когда все устают и родители говорят, что магнитные бури, держитесь — мы понимаем, что лучше выйти на улицу. Момент прогулки — он очень важен и максимально ребят расслабляет, мы стараемся много ходить. Мастерская — это не только работа, трудовая занятость для наших ребят. Мы стараемся их социализировать. Они ходят в столовую, сами расплачиваются за еду или учатся этому, они выбирают сами себе блюда. Прогулка по району — нас узнают люди, видят ребят, тоже для нас очень важный момент, что они гуляют среди других людей.

— А кому принадлежит идея дизайна ваших изделий?

— Это происходит у нас стихийным способом. Ребятам, которые были у нас до этого года, из-за тяжести нарушений трудно было придумывать дизайн, мы отталкивались от их возможностей. Придумывали все вместе, с ассистентами. Кто работал из сотрудников, тот и придумывал. У всех свой вкус, взгляд. Иногда смотришь — хм, вышло не очень, но нет, находятся покупатели. Когда мы делали новогодние домики, одна наша ассистент сделала розовые — мы их забраковали, но и на них нашлись свои покупатели. У нас в этом много свободы, мы ее даем нашим ассистентам, они работают над стилем, придумывают, мы все обсуждаем. Сейчас у нас есть ребята с нарушениями полегче, и они могут сами что-то придумывать.

Мы придумываем так дизайн, чтобы ребята могли его воплощать. Например, ограничиваем палитру цветов. Если мы хотим, чтобы домики были восьми цветов, то ребята могут из них выбрать, но красят сами, шлифуют, приклеивают окошки сами, зажигают в них свет тоже сами. Или если это просто полет фантазии, то у нас есть ребята, кто любит красить руками, лицом и чем-нибудь еще. Тогда мы придумываем, чтобы они делали такой фон, чтобы он был абстрактный. Нам очень хочется, чтобы они участвовали в создании дизайна, но пока... Вот мы сравниваем домики каждого года, они меняются, и это уже классно.

— У вас есть магазин «Домики для дома». Расскажи о нем.

— Два года назад в октябре я подумала, что можно сделать в инстаграме аккаунт и выставить все, что мы сделали. Это так легко и хорошо зашло! С таргетированной рекламой у меня не срослось, просто среди знакомых и их знакомых. В первый год, я помню, столько было заказов домиков на елку, что ребята просто не справились. У нас же нет производства, сколько могут ребята, столько делают. Зато это было классным подтверждением, что то, что мы делаем, людям нужно. В нашем же городе на ярмарках морская тематика не особо кому нужна, так как они и так у моря живут. Заказывают люди из Москвы, Питера, Сибири. И в центре страны понимают больше про покупки со смыслом. Они делают пожертвование, переводят 1000 рублей и получают себе какое-то изделие. В Москве и Петербурге такой механизм больше понятен.

— Мастерская живет в основном на гранты?

— Да, гранты каждый год. Мы придумываем что-то, куда-то еще пишем, это трудно, потому что ты понимаешь, что нужно добавлять что-то новое каждый раз в проект, как-то его видоизменять, модернизировать. А это непросто и понятно, что мастерская нужна ребятам в течении всей жизни. И понятно, что самоокупаемости не будет. При наличии своего помещения можно было бы поставить такую цель. Можно кроме продажи изделий продавать услуги — делать мастерскую инклюзивной, как «Простые вещи» в Петербурге, пускать туда просто людей, делать для них мастер-классы, но сейчас нет на это сил. Не хватает пространства нам самим, и мы не можем запустить туда еще каких-то людей. Мы размышляем, что вот то и то можно по выходным проводить, и к пятнице уже — нет, мы ничего не будем проводить. Люди устают, и хочется, чтобы они не выгорали. Пока нет сил, чтобы сделать мастерские более окупаемыми. Инклюзия как идея есть, в прошлом году приходили школьники из старших классов, работали с нашими ребятами, проводили круг, гуляли с ними. Это просто для того, чтобы ребята друга друга видели и общались, взаимодействовали. В этом году в октябре мы должны были по идее начать инклюзию, опять проводить такие встречи, но из-за нехватки пространства непонятно, как это сделать — негде их разместить.

— А город вам никак не помогает?

— Сейчас в свете того, что у нас открылась тренировочная квартира и были сняты видеосюжеты, показали по региональному ТВ мастерскую, что-то начали говорить про помещение. Возможно, что-то в этом году решится. Это, конечно, очень важно, потому что мы не видим другого способа, чтобы не платить аренду. И трудно прогнозировать ее. Например, в этом году мы заложили в грант 30 000 рублей, а когда начали искать помещение, оказалось, что надо минимум 60 000.

— Можешь ли ты рассказать о ком-то из ребят?

— Да, конечно, расскажу историю Юли, одной из одноклассниц Андрея, она самого начала ходит в мастерскую после окончания школы. У Юли тяжелые умственные и двигательные нарушения и много особенностей. И она как раз тот пример, когда после школы человек не умел держать кисточку в руках или ручку. А тем более работать двумя руками — для нее это было практически недостижимо. На момент первичной диагностики она не прикасалась к каким-либо материалам, тесту, краскам. Такие особенности тактильного восприятия, и задействовать ее руки было трудно. Юля ходит в мастерскую четвертый год и участвует в обучении в тренировочной квартире. Сейчас она работает двумя руками,

шлифует, взаимодействует с разными материалами. Мы очень много работаем над функцией руки, так как от нее сильно зависит рабочая деятельность. И в коммуникативном плане она тоже может больше использовать речь не просто для того, чтобы о своей потребности сообщить, но и чтобы взаимодействовать с кем-то из ребят. Она долгое время была единственной девушкой, и к ней было много внимания — мы учили ее защищать свои границы, отвечать или не отвечать на это внимание. Ее мама разделяет наши ценности, поддерживает то, что мы делаем. Юля с Андреем такие отличники, которые ничего не пропускают, во всем участвуют, имея достаточно тяжелые нарушения развития. Тут главное — упорство все участников процесса.

— То есть важно и взаимодействие с родителями?

— Да, потому что были родители, которые уходили, сказав, что хотят другого. Мы раньше из-за этого переживали, а потом поняли, что будем предлагать, что можем. Учительница тоже наблюдает за своими учениками и говорит: никогда не думала, что они это смогут. Что в зрелом возрасте их тоже можно развивать.

Еще у нас есть парень Артем. У него довольно сложное поведение, мы начинали работать постепенно. Он не может что-то продолжительно посещать. Из-за этого школа его перевела на надомное обучение, и реабилитационный центр быстро просит его забирать обратно, а мы последовательно выстраивали с ним отношения. Сейчас он ходит в мастерскую второй год, но до сих пор на полдня. Ему действительно трудно выдерживать полный день, и для Артема это гигантский прогресс. И тут невозможно не сказать о большой заслуге родителей, что они в контакте с нами, мы работаем вместе, слышим друг друга, вместе определяем проблемы и решаем их, вместе радуемся успехам. Мы в постоянной связке, чтобы сделать все, чтобы Артему было безопасно и всем с Артемом было безопасно. И успех Артема уже в том, что мы продолжаем взаимодействовать, и он продолжает быть нашим мастером, подопечным, это единственное место, которое он посещает.

Мы много работаем с нашими сотрудниками, чтобы они могли понимать, почему ребята себя ведут так или иначе. И есть прогресс: люди, которые не имеют специального образования, знают, что именно стоит за таким поведением, какие потребности, и что нужно сделать, чтобы человек чувствовал себя в безопасности. Мы говорим ассистентам, что скорее всего, Артему всегда нужно будет столько поддержки. Успех в том, что мы двигаемся дальше, родители не сдаются, мы продолжаем работать, ассистенты открывают в себе новые грани: оказывается, они могут принимать человека с его очень сложным поведением и оказывать сколько нужно поддержки.

— Вы используете конкретные методики? Чему вы учите ассистентов?

— Мы много говорим с ними о концепции инвалидности, Международной классификации функционирования, проговаривая, что нам важно. Мы говорим, объясняем, показываем и рассказываем, что у ребят с особенностями разные сферы развиты по-разному. Например, наши ассистенты в ходе совместной диагностики могли увидеть, что у парня 20 лет эмоциональная сфера развита на 2 года. И они перестают ожидать от него поведения 20-летнего, хотя внешне это обычный парень, без каких-то двигательных или внешних нарушений. А им было сложно понять, что он не издевается, не прикалывается, не избалованный, а это реально уровень его развития.

Если возникают сложности с агрессивным поведением, где мы не справляемся, обращаемся за помощью к специалистам, в частности, из «Перспектив». И всей командой присутствуем на этих консультациях. Мы все вместе проводим эту работу. Не то, что кто-то один становится источником знаний — нет, важно, чтобы все это слышали, видели и могли потом в ситуации с кем-то еще из ребят применить эти знания. Это медленно и трудоемко, всем хочется быстрых результатов. Над этим мы тоже работаем и объясняем. Что это медленная и вдумчивая работа, и всем нужно в ней время.

— **Значит, у вас ассистенты проходят обучение в процессе работы, а не до того, как приступают к ней?**

— Они учатся постоянно, у нас есть психолог, раз в две недели сотрудники с ним встречаются и раз в две недели — родители. Так можно узнать о каких-то проблемах, высказать свои чувства, эмоции, поплакать, посмеяться, обозначить проблему, подумать, как мы ее будем обязательно решать. Это очень важно, так как там можно сказать какие-то вещи, какие ты во время работы не скажешь. Процесс постановки целей для ребят — он делается совместно с ассистентами, они в этом участвуют наравне с эрготерапевтом, поэтому они понимают, для чего мы делаем то или иное. Они видят смысл, и значит, меньше шансов выгореть. Когда мы показываем ребят под новым углом, мы даем сотрудникам ресурсы, силы, смыслы. Мы смотрим фильмы тематические вместе. Люди без опыта и образования понимают: во Франции все так же, и в Санкт-Петербурге так же. Это общая ситуация для всех. И что у нас, может быть, что-то есть, чего нет у других. Про опыт других организаций в этой сфере рассказываю, так как люди раньше ничего об этом не знали, а это важно.

— **Какие планы на будущее у мастерской?**

— Хотим брать больше ребят, расширить ассортимент. Может быть, возьмем мастера по дереву. И конечно, хочется инклюзии, чтобы мастерская не стала загороженным местом, где только особые ребята. Была такая идея — мы живем в спальном квартале, и люди могли бы приходить к нам и сделать, например полочку, табуретку, если у них нет шлифовальной машинки. Думаю, мужчинам это нужно.

— **Коллабораций вам пока не с кем образовать?**

— Мы думаем про кофейню и готовы были бы с кем-то соединиться в таком проекте. Это место, где люди встречаются. Бар бы замутить, но его мы делать не будем, поэтому хотим кофейню.

— **А почему нет, вы взрослые люди, можете и бар сделать!**

— Постепенно, постепенно нужно пугать людей и вводить их в нормализацию.

— **Большое спасибо тебе за беседу, пусть ваши планы осуществляются. Пусть будет просторное помещение, инклюзия и папы будут приходить делать полочки!**

Интервью: Елизавета Журавель

«Я нигде не афиширую, что слабо вижу»

Автор картины: Колузаев Виталий

Александр Нехоршев — художник, участник проекта «Вижу руками — изостудия незрячих художников» Санкт-Петербургской региональной организации общества слепых (СПб РО ВОС). О себе он говорит так: «Творчество — для меня не столько профессия, сколько хобби, терапия, развлечение. Вообще я профессиональный массажист, чем и зарабатываю на жизнь. Лет 20 назад я стал ходить в студию в Колпино, случайно, во многом — в качестве экспериментального материала. Было интересно, как люди с нарушениями зрения рисуют и двигаются. Так и получилось, что я там остался, прижился и втянулся в это дело».

— Я вас видела на разных выставках и разных форматах участия и свободного творчества. Вообще, тонкие границы от творчества для души до искусства, наверное, они до сих пор не известны. Спорный вопрос, необходимо ли художнику образование, может ли художник без образования называть себя так... Широкое поле для дискуссий. Где вы сейчас занимаетесь, у вас есть какая-то мастерская?

— Мастерская у меня дома... А так еще, кроме «Вижу руками» на Гатчинской, я хожу в студию в Колпино, при ДК «Подвиг».

- Как у вас все устроено в этой студии — это просто место, где есть преподаватели и разные художники?
- Формируется группа, и люди ходят в определенный день и час.
- Получается, аудитория там смешанная, и нет никакого деления?
- Ну да, приживаешься или нет. Люди разные. Ходят и те, кто образования не имеет, и те, у кого оно есть.
- И с вами занимаются художники, педагоги...
- Преподаватели, да. Симко Сергей Александрович, например, член Союза художников. Он дает информацию в академическом ключе. Портреты, гипсовые головы — этому он учит. Другие художники, например, Светлана Шамурова из Мухинского училища, больше дает по композиции, цвету...
- Возможно, это неловкий вопрос, но стало интересно... Вы там единственный слабовидящий художник или есть еще? Интересно, как адаптируются педагоги?
- Ну, они привыкли... Иногда сбиваются на фразы вроде: «Саша, ты что, не видишь?» — «Да, не вижу» — «А, извини». Ко мне привыкли, и я привык.
- Ну а с точки зрения самого занятия все доступно и понятно?
- Там свободное посещение, если я могу — беру, что я не могу — берет другой человек.
- То есть, во многом зависит от внутренней позиции самого художника?
- И от преподавателей, готовы ли они работать в таком ключе. Если он принимает эту позицию, не навязывает какие-то школы, тогда это подходит. Например, с точки зрения академического подхода, если правильно рисовать силуэт кубика, головы, шаг, цилиндр — обычные вещи, стандартные — я, конечно, этого не возьму, я в жизни ничего не написал про это. Поэтому, например, я так не стал бы вообще учиться. Например, я ходил когда-то к Светлане Викторовне Шамуровой (она со мной начинала работать), это был подход от пятна, композиции, ритма, пробы поиска сочетаний цветов — поищи, найди, если нехорошо сочетается — подумай, может, что-то поменять нужно. Посмотри на эти пятна: различаются ли они, скажем, что будет, если их сместить? Скажем, посмотри, как сочетается пятно моря, пятно неба и скал? А что будет, если их сдвинуть направо, налево, вверх, вниз — попробуй подвигать...
- Очень интересна сама методика передачи знаний: гибкая и более творческая. В этом есть какой-то интерес, потому что академическая школа всегда берет какую-либо творческую единицу и пытается ее ограничить, верно? Определить рамки, перейти их и выявить у человека какой-то навык. Недавно читала книгу Репина «Далекое близкое», и меня очень тронула история о том, как в его родном городе Чугуеве, где он учился, был своеобразный местный Рафаэль, по фамилии Пирсанов, и он был самым лучшим, подающим надежды художником и история о том, как его всем городом проводили в Академию Художеств в Петербург и ждали с большим трепетом новостей о нем, когда же он будет «греметь» на весь Петербург. Спустя время, когда Репин также поступил в Академию Художеств и стал его искать, выяснилось, что художник сошел с ума: он не выдержал требований города и Академии художеств, они надломили его тонкую талантливую натуру. Раз уж у нас рассуждение в формате беседы

— иная методика, другой, более гибкий подход, возможно, был бы полезен. Не делать это какой-то особой методикой, а просто иным подходом.

— Индивидуальный подход. В педагогике, по-моему, это называется индивидуальным подходом. Подход к каждому человеку по-разному: я по одному «беру», а кто-то другой «берет» иначе.

— Что главного вам дает посещение студии в Колпино?

— Студия — это отдых, развлечение, общение с творчески увлеченными, как и я, людьми. Своеобразный «клуб по интересам».

— Вы свои работы пишете дома или в студии?

— Дома я почти не пишу, не собираться, в основном пишу в студии. Дома находится масса всяких дел, а потом уж и спать пора. В студию раз пришел — надо работать.

— В каких выставках, проектах вы участвуете?

— Из последних участвовал в выставке в Музея истории религии, также на Василеостровской в пространстве «Линии» была инсталляция.

— Да, я видела там ваши работы. «Линии» 0 это галерея, которая недавно открылась. Там был большой проект «Такт», в котором участвовали разные художники: и с особенностями, и без. Основной критерий выставки: чувственное искусство, доступное не только визуально, но тактильно, а также через ароматы, звуки. Расскажите, пожалуйста, подробнее про вашу работу.

— Мы делали инсталляцию «Зеркало гармонии», посвященную взаимодействию, взаимопроникновению стихий. Пытались с точки зрения, можно сказать, греческой философии их соединить. У нас был аквариум с водой, который стоял на каменном ложе, покрытом мхом. И из него торчал нос и отпечатки рук. Это стояло на подставке, которая вращалась, а сама подставка стояла на стеклянном столе. Там же были и запахи, потому что в мастерской основой был запах. У нас получилось сочетание визуального, тактильного ряда — для нас, как слабовидящих, это было важно. Да и потом, обычно ничего не дают трогать в музеях, а здесь можно руки положить на отпечатки, нос потрогать, понюхать запахи. Там были пробники ароматов, можно было представить себе, как тот или иной аромат к какой стихии относится: воде, земле, воздуху. В таком духе мы делали композицию — сочетание различных стихий. Воздух — ароматы, вода — аквариум с камнями, такой переход к земле как стихии. Стекло, также, прозрачно как вода и воздух. Ну и мох — растение, синтезированное природой.

— В каких еще выставках вы участвовали со своими работами?

— Из последних, связанных с нашей студией — выставка, посвященная Александру Невскому «От Александра Невского до Тухачей», посвящена защитникам Родины. Была выставка в Историческом музее. Там была работа «Церковь Александра Невского в Усть-Ижоре» и работа, посвященная защитникам Ленинграда «Все на защиту Ленинграда».

— Я так понимаю, проект «Виджу руками» очень много делает для того, чтобы популяризовать ваше

творчество, и является посредником между какой-то площадкой, где можно выставить работы, и художниками, верно?

— Да, идея именно такая.

— А бывает ли такое, что вы сами куда-то подаетесь: участвуете ли в каких-то опен-коллах, или это запрос уже идет конкретно к студии, художникам, и вы уже включаетесь?

— Я человек в этом плане пассивный, предпочитаю что-то нарисовать сам, чем где-то бегать и рассказывать. А так — если меня куда-то приглашают, если мне это подходит, то подходит. Это касается любых проектов, не только «Визу руками». В Колпино я вхожу в общественную организацию художников «Талант», участвую там в плановых выставках. Еще я участвую в выставках в Царскосельской галерее, выставке для инвалидов в Пушкине, ее делает местный Центр реабилитации инвалидов, совместно с музеем. В студии в ДК «Подвиг» — она относится к Комитету по культуре, соответственно, там выставки и конкурсы. В этом году был конкурс, и там была работа, посвященная Александру Невскому, мне даже второе место дали на городском конкурсе. Но это непрофессиональная история.

— Если через организацию представляться на арт-сцене, то, наверное, это будут инклюзивные выставки, проекты, особые?

— Необязательно. Когда я участвую, это не имеет значения, не упоминаем об инвалидности, нет такого акцента. Кто-то из моих знакомых это упоминает, но это необязательно.

— То есть, бывает такое, что кто-то себя так позиционирует, как инвалид?

— Да, но мне вот так комфортнее.

— Это не доставляет сложностей или иногда приходится вести переговоры? В такой истории может возникнуть момент с адаптацией заявок, ведь все в основном идет через интернет и Google-формы и, могут возникнуть сложности.

— Технически да, нужно уметь пользоваться. Либо искать человека, который будет этим заниматься. Все сводится к старой технике, что каждому художнику нужен менеджер, который будет всюду прыгать.

— Классическая ситуация, да. Но бывают и случаи самоорганизации и самопозиционирования, когда художник может сам себя продать, это скорее, исключение. В целом художнику, как человеку, погруженному в творческий процесс, необходимо это разделение. В этом смысле хороша студия, как посредник, или кто-то другой, кто предлагает выставиться индивидуально или в групповом формате, и занимается организационными вопросами. Интересно еще, какие у вас планы и какая занятость? Не приходится ли выбирать, куда идти, и от чего-то отказываться? Не только по выставкам, а в целом.

— Ну, в первую очередь, все для себя. Я рисую, пишу больше для своего удовольствия. И, так как я не зарабатываю этим на жизнь, то если надо — участвую, нет — то нет. В этом смысле я пассивен, и если есть выбор: ехать куда-то договариваться либо полепить — я лучше полеплю. Это зависит от позиции каждого художника. А инвалидность — это лишь личная особенность. Иногда и с инвалидностью кто-то ходит и пробивает, что ему надо.

— По взаимодействию с музеями, пространствами, где выставлялись, какие у вас остались впечатления? Было ли вам комфортно?

— Меня все устраивает. Но в целом, у всех художников одни и те же проблемы: надо убедить тех, кто тебя выставляет, что это нужно, важно, интересно. Это проблема, которая не имеет знака инклюзивности и особенности.

— Несмотря на то, что вы не зарабатываете искусством и это для вас пространство творчества и наполнения — и это здорово, когда художник свободен от заказчика, денег, и его творчество свободно — у вас есть представление, чего бы вы хотели в будущем? Мечты, идеальная картинка, как бы вы хотели видеть свое творчество.

— Вот это трудно. Выставочные мечты, конечно, могут быть довольно большими.

— Есть художники, которые мечтают о персональной выставке. Есть мечты о конкретной галерее. Есть какие-то конкретные идеи, когда человек хочет именно эти работы выставить и какую-то тему поднять.

— В принципе, свободное плавание имеет свой нюанс — оно без парусов, и поэтому ни один ветер не будет попутным... Когда ты знаешь конкретно, что ты хочешь в Русском музее выставиться через пять лет любой ценой, то ты все силы бросаешь, вступаешь в Союз, в Академию и так далее. А когда для себя — сделал картину — какой я молодец. Персональная выставка как самоцель уже не важна, они уже были у меня в разных местах.

— Как это получилось организовать?

— Когда я вступил в «Талант», то выяснилось, что можно записываться, встать в очередь, ждать несколько лет. В первый раз мне повезло — кто-то отказался, и надо было срочно занять нишу. Потом была выставка на Московском проспекте, на пл. Чернышевского. В библиотеке детской была выставка. Также была выставка в Красноярске, но не персональная, я участвовал. Были в Пушкине, Павловске — там были студийные выставки и сообщество «Инклюзивных передвижников» (инвалиды на колясках) пригласили меня в свой проект.

— Где вы храните работы?

— Дома. Личный домашний архив. В основном, пастели, все это в стекле, в рамках, периодически бьется.

— Если бы у вас был выбор... Допустим, у вас есть ограниченное количество времени, и вам предлагают: идти в инклюзивный проект, где представлены художники с нарушением зрения, узкоспециализированный, и он так и позиционируется. Либо идти в какой-то экспериментальный формат, новый для вас, где нет такой специализации. Что бы вы выбрали?

— Ну, в качестве абстрактного выбора... Я бы постарался участвовать и там, и там. А так — я нигде не афиширую, что слабо вижу, поэтому мне, в принципе, без разницы. Опять же, если организаторы находят общение со мной слишком сложным, замороженным, я им не подхожу — ну ладно, нет так нет.

Интервью: Марина Абаджева

«Потребность каждого человека — особенная»

Автор картины: Гульцев Александр

Ольга Паниковская — художник, режиссер анимации, куратор/руководитель студии анимации в креативном пространстве «Полярник» — творческого места в Санкт-Петербурге, где проходят занятия по различным творческим направлениям, мастер-классы, конференции, встречи с интересными людьми, различные конкурсы и фестивали. Ольга рассказала о студии, о том, как в ее профессиональной жизни появилась тема инклюзии и особого искусства, и чему она сама научилась благодаря своим необычным ученикам Юле, Саше и Арсению.

— Ольга, люди какого возраста занимаются в студии?

— Сейчас у нас в пространстве занимается молодежь с 14 до 35. У меня самым старшим, по-моему, 25-26, где-то так.

— А сколько в группе участников, ребят? Или вы их называете?

— Воспитанники. Да, все очень серьезно. В группе с ребятами с особенными потребностями шесть человек, а помимо этой группы у меня также есть онлайн-группа, участие в мастер-классах в библиотеке им. Маяковского «Семья и книга» и совместный проект с детским творческим центром «Театральная семья».

— **А как все для вас началось?**

— Мне передавала эту группу моя знакомая. И там, в этой группе, уже была Юля. Она всегда такая тихая, но всегда что-то делает. И вот мы начали делать мультики. Сначала я работала по той программе, которую начала моя предшественница, Наташа. Там был совместный проект для всех учеников, все работали над одним мультиком.

Я немножко подход изменила: получилось так, что ребята работают каждый над своим проектом или в какой-то небольшой группе. К тому времени в нашем же креативном пространстве была студия иллюстрации. Там преподавала моя коллега Вика, и к ней ходил Саша Коробейников. Он посмотрел на наши результаты, на нашу группу, и тоже начал ходить ко мне на анимацию. Вика мне более-менее объяснила, как работать с Сашей, потому что я тогда не очень понимала. Юля — самостоятельная очень девушка, она уже давно работала с Наташей. Она уже примерно понимала принцип работы, все делала правильно, предлагала свои идеи.

А с Сашей мы, получается, начали с самого начала — он не понимал, как работать в этой студии, я не понимала, как работать с Сашей, хотя ко всем остальные детям более-менее находила подход. Кто-то хотел больше на компьютере анимировать, кто-то ручную перекладку делать. А Саше мне пришлось долго и упорно подбирать методы, что ему больше подойдет, что будет понятнее. В итоге ему очень понравилась компьютерная анимация, и он сделал в ней мультик про футбол. Работа везде победила в нашем районе, а может быть и в городе, в номинациях спортивных. После этого мы начали работать с ним над проектом побольше, про Эрмитаж. И мы уже рисовали каких-то персонажей, потом начался COVID, и это все осталось на уровне иллюстраций.

— **Физически уже нельзя было посещать студию, поэтому остановилась работа?**

— Да. Но все его иллюстрации я собрала, обработала, напечатала. Мне было очень обидно, что они пропадают. Они получились очень красивые, потому что он делал репродукции картин из Эрмитажа. В итоге я напечатала иллюстрации как открытки. И сейчас они, по-моему, до сих пор продаются в магазине «Порядок слов». И у меня еще много их.

— **А как именно он рисовал по мотивам картин Эрмитажа?**

— Приходил Саша, я включала большой экран, выбирала самые знаменитые работы, которые есть в Эрмитаже. Так как он ко мне пришел из изобразительной студии, то уже хорошо работал с цветом, примерно понимал в композиции, умел обращаться со всеми материалами. Мы выбрали фломастеры, потому что это удобнее для анимации, хотя мог и красками. Я ему просто выводила картину на большой экран, говорила: «Леонардо да Винчи». У Саши еще мама экскурсовод, насколько я знаю, и ему это вдвойне интересно, они потом дома это обсуждали.

Я выводила картину с ноутбука на большой экран, и он ее рисовал. Потом я подходила, консультировала. И получилось в целом работ 15, но я выбрала 9. Они такие большие, красочные, красивые.

Очень неплохо продюсировать такие вещи, потому что действительно, не все могут делать красиво, а если есть такая способность, то почему бы это не повернуть в коммерческое русло.

— В «Порядок слов» вы как попали с открытками, по знакомству?

— У меня просто есть опыт сотрудничества с ними, я знаю некоторых людей, да. И я написала про открытки — можно попробовать, и мы попробовали.

— А про Арсения расскажете?

— С Арсением у меня история совсем другая. С каждым из учеников история своя — как мы работали, искали точки соприкосновения. Арсений пришел ко мне как Сашин одноклассник, совсем ничего не умел с точки зрения рисования. Ему вообще очень сложно рисовать, держать карандаш в руке, это доставляет ему какой-то дискомфорт. Мы очень долго искали подход. Сначала я, так как у Саши получилось очень хорошо сразу на компьютере рисовать, посадила Арсения тоже за компьютер. Увидела, что у него получается, но он не до конца понимает принцип работы программы, и в итоге нет результата, и это не приносит ему удовольствия.

Пробовала его посадить с Юлей за совместные съемки, тоже не очень хорошо получилось это сотрудничество. У нас есть оборудование: фотоаппарат, компьютер, на компьютере программа, выставлен фон, и персонажи выложены на столе. И нужно этих персонажей шевелить. Я подумала, что Арсению будет проще шевелить, а Юля контролировала бы за компьютером весь процесс. У них не получилось, потому что, как оказалось, Арсению проще нажимать кнопку и смотреть, что получилось. Сейчас они уже отлично делают совместные съемки.

Арсений, так как у него аутистический спектр, не говорит о своих потребностях, ему это, он очень долго терпит. Потом он может взорваться, очень эмоционально реагировать, уйти расстроившимся. Ему нужно предлагать какие-то темы, техники и прямо ждать его подтверждения, его энтузиазма.

И в какой-то момент наша руководительница предложила тему «Общественное пространство», потому что шел городской конкурс. Общественное пространство — это парки, леса, музеи. Я подумала, может быть, мы поработаем с Арсением над этой темой? Мы с ним сели, стали беседовать. Я начала у него спрашивать, что ему нравится в городе. Куда он ходит, как он проводит свое время. И выяснилось, что Арсению очень нравится метро. Так родилась тема мультфильма.

Как Арсений рисует, я примерно уже представляла. Ему нужны какие-то перед собой примеры, схемы, как рисовать. На следующем занятии мы с ним рисовали раскадровку, он рассказывал, что именно ему нравится в метро, а я ему советовала. Например, здесь надо нарисовать поезд с людьми. Звуки ему нравятся, машинист ему нравится, остановки, вагоны. Вот мы сидели и набросали, по-моему, шесть прямоугольников с сюжетами разных и, исходя из этой раскадровки, начали готовить наш фильм. Я еще очень долго в процессе подготовки к фильму училась понимать, как с Арсением надо рисовать. Что ему действительно нужно давать инструкции от А до Я. Этот мультик мы делали, вместе с подготовкой, где-то полгода.

Естественно, все эти конкурсы уже закончились, пока мы готовили, но мультик был снят. В момент съемок ему помогала девочка Лиза из моей группы. Она шевелила то, что сделал Арсений, а он сидел —

озвучивание — это все на мне. Можно было пустить ненавязчивую музыку или звуки метро, но еще хотелось, чтобы там было слышно голос Арсения, его рассуждения.

На последнем занятии мы сидели с ним в отдельной аудитории, и я начала задавать ему такие же, как в первый раз, наводящие вопросы. Что ему нравится в метро, почему ему нравится метро... и потом смонтировала эту аудиодорожку с видео, которое он снял. Было важно, чтобы звучал голос Арсения. Второй мультик мы сняли за два месяца. Тему предложила уже я, потому что был год космических побед, и очень много где в конкурсных программах фигурировала эта тема. Все-таки хорошо, чтобы ребята получали какие-то подтверждения, награды за свои мультики. Чтобы они понимали, что не просто так рисуют.

— Это очень важно, чтобы результаты труда не только тебе нравились, но и поделиться была возможность. И чтобы оценили.

— Да, я даже сейчас стараюсь брать, может быть, более короткие дистанции, не такие трудоемкие проекты, но чтобы они были выполнены до конца, и чтобы их можно было потом либо куда-то послать, либо ребятам в портфолио положить. Чтобы они получались классными и занимали какие-то конкурсные места. Пусть не на больших фестивалях, пусть не Суздаль, но чтобы все равно им приходил какой-то фитбэк.

— А почему не Суздаль?

— На больших анимационных фестивалях есть детская программа и есть взрослая. Мои ребята все по возрасту подходят под взрослую программу, но соревноваться с учениками ВГИКа или СПб ГИКИТа — это пока не наш уровень. Мы еще не так долго занимаемся все-таки. А на такие конкурсы, где у них реально есть шанс и они могут там победить, я везде рассылаю.

С Арсением последний мультик про космос мы сделали за два месяца. И там мне тоже было важно получить аудиодорожку. В первый раз я это делала в качестве эксперимента, а во второй — я уже сознательно с Арсением обсуждала. Я пыталась получить в этом микро-интервью какой-то эмоционально окрашенный кусок. Мне было важно, чтобы он озвучил свою мысль, что в космосе космонавту одиноко, и Арсению тоже было бы одиноко, поэтому ему бы в космос не хотелось, ему нравится за небом наблюдать с Земли.

Я бы хотела, чтобы это увидели и услышали другие, потому что это важно. Таких людей в России боятся, они не социализированы, потому что их социализацией не занимаются. От них требуют общественно приемлемого поведения, но никто не хочет особо задумываться, каково им внутри. Мне хотелось бы, наверное, еще три-четыре таких мультика с Арсением о важных для него вещах снять, и собрать в один большой.

А Юлия, с рассказа о которой я начала — это вообще особая история какая-то. Юлия всегда ко мне приходит уже либо с каким-то сюжетом, либо рассказом, либо сказкой. У нее очень много идей. Я не знаю, как может быть столько жизни в человеке. Я смотрю на нее, и у меня большой комплекс неполноценности. Она работает, рисует и все посещает. Мне кажется, что это человек, который вообще не спит. Она всегда приходит ко мне мало того, что с готовой историей, часто она еще рисует мне раскадровку. Я читаю историю, если там не хватает каких-то событий либо слишком много персонажей,

говору: «Юля, зачем же ты принесла раскадровку, надо было сначала обсудить». И она перерисовывает раскадровку, потом мы работаем над персонажами, и потом мы делаем фоны. Юля делает, в основном, все самостоятельно. У нее лежит фон, ее персонажи, ноутбук, фотоаппарат, штатив. Она все подключает, сама все прекрасно знает. И снимает, а потом уже я монтирую.

Она отправляет свои работы, везде выигрывает. У нее огромное количество премий, грамот, наград. Она в том году, по-моему, была членом жюри в конкурсе «Волшебный фонарь». Потому что за год до этого она там уже победила, заняла первое место. Я хочу с Юлей попробовать что-то новое, потому что то, что прежде, она уже делает в совершенстве. Надо чему-то новому учиться, и это классно.

Ну и конечно, история Саши с открытками очень всех вдохновила. И Юля мне писала, что она бы тоже хотела напечатать какие-то такие моменты с ее работами. Мама Арсения говорила, что ей очень понравилось. И после открыток, конечно, ребята работают еще с большим воодушевлением.

— Приходилось ли что-то дополнительно изучать, чтобы понять, как общаться с ребятами?

— Да, у меня нет специального образования, я не дефектолог. Когда у меня была Юля, она была уже частью группы. Она была социализирована. Она прекрасно понимала, что делает. Когда пришел Саша, тоже не было каких-то трудностей, потому что Вика более-менее рассказала, как работать с ним. А для нее это был долгий путь — найти к нему какой-то ключик, подход. А уже когда пришел Арсений, я начала много читать про инклюзию, смотреть разные сайты. Много информации искала в интернете сама. Потом нашла подкаст «Инклюзия и жизнь». В целом, я в много слушаю про психотерапию, психоактивизм и всякие такие вещи. И больше понимаю про какие-то особенные потребности Арсения в том числе. На самом деле я, ведя группу, поняла, что потребность каждого человека — особенная. Люди очень разные и всех нужно услышать, по крайней мере, постараться, и как-то включить в общество. Еще до того, как я начала с ребятами работать, я знала, что все имеют право жить в одном мире. Я очень против закрытых систем, таких, как ПНИ, например.

— Да, это такая страшная система, действительно.

— Работая с такими ребятами, я представляла, что вот при отсутствии ресурса у родителей или когда родитель/опекун умирает, кто-то из них может там оказаться. Такие прекрасные люди оказываются в мире, где у них нет даже права штаны свои иметь, а не то что участвовать в конкурсах и говорить о себе.

— А как строится взаимодействие в группе с другими, обычными ребятами?

— Оно всегда очень разное и бывает очень неоднозначным, потому что Арсений и Саша они не маленькие мальчики, им по 20 лет. В какой-то момент, до локдауна у Саши была очень яркая романтическая фаза, и он очень сильно проявлял интерес ко всем дамам, мне приходилось как-то немножко остужать его пыл и объяснять, что он может напугать. К нам на мастер-классы совместные приходят люди из других групп — их это могло напугать, поэтому мы проводили с Сашей периодически беседы по поводу того, что уместно, а что не уместно.

У Арсения пока такого нет, он более замкнутый. Но в коммуникации ему сложно вербально проявлять себя, и он делает это через какие-то тактильные вещи. Допустим, сначала, когда он только начал ходить ко мне и у него что-то не получалось, он в какой-то момент начинал, например, нажимать на

кнопки компьютеров, за которыми работали девочки. А девочки очень воспитанные, они сидели и терпели. Мы с Арсением долго об этом беседовали. Я поняла, что ему нужны в этот момент моя помощь и внимание.

— Помимо творческого процесса тут еще и воспитательно-педагогические.

— Поначалу да, но сейчас я уже не скажу, что это как-то сложно, потому что Арсений уже привык. Если он раньше мог нарисовать всё за 5 минут, а потом 40 минут сидеть, смотреть куда-то, а я этого могла просто не заметить, потому что с другими разговаривала или мы снимали, то сейчас он посидит-посидит и говорит: «Я закончил». Мне надо подойти и если он действительно закончил — дать ему новое задание. А девочкам я объяснила, что если Арсений ваши границы нарушает, то ему надо серьезно, спокойно сказать, что так не нужно делать ни со мной, ни с кем, ты не прав. Не трогай, я работаю, и как-то уже нет проблем с коммуникацией.

— Можно сказать, что Арсений социализировался вот в этом вашем небольшом обществе? Какой он пришел и какой он сейчас, есть разница для вас?

— Да, безусловно, очень большая разница. Во-первых, в работе. Первый мы мультик делали 200 лет совместно со всем миром, а сейчас очень спокойно справляемся за 2 месяца. Может быть, в этот раз справимся за месяц. И в общении он стал более открытым, как минимум со мной. После того, как закончился локдаун, мы начали постепенно восстанавливать наши занятия. Я держалась на связи с ним и с Сашей, с Юлей, старалась постоянно давать им задания удаленно.

Так как Арсению этого явно не хватало, он пришел такой немного «бешеный». Но это были положительные эмоции, было видно, что он переполнен ими и нужно было чуть-чуть ему успокоиться. Было очень много энергии, было видно, что он очень рад. Да, по нему очень большой прогресс. Поначалу он даже не понимал, что я от него требую, а я не понимала, как это объяснить. Сейчас у нас взаимопонимание. Я думаю, да, он более социализированный стал.

— Какие планы на будущее? Может, вы хотели бы как-то расширяться?

— Еще до пандемии мы хотели сделать небольшой фестиваль. Может, не городской, а районный, для творческих ребят с особенностями разнообразными. С теми компетенциями, которые у меня уже сейчас есть, я бы поучаствовала в мастер-классах для ребят.

Если бы была возможность какого-то ведения тьюторами нашего пространства, я бы набрала группу побольше, потому что одна я не справлюсь — это однозначно. Себя не переоцениваю. Есть идея сделать что-нибудь с моими воспитанниками, что можно было бы потрогать, поддержать, продать или подарить на каком-нибудь фестивале, где было бы написано их имя. Сейчас я понимаю, что у меня есть такой запрос какой-то их видимости, их какой-то реализации, чуть более настоящей. То, что мы делаем, настоящее, но хотелось бы чуть больше связи с реальностью через меня и наше пространство, выходов на другие уровни.

— Чтобы тоже получить обратную связь.

— Да, это тоже про видимость — это про них. У меня тоже есть амбиции, но они чуть-чуть другие, а вот видимость — про них. Хотелось бы что-то, что можно в руках поддержать, сделанное ими. Открытки очень приятно держать в руках, это классно.

— Чтобы ребята были заметны через свои...

— Да, через какие-то знаки. Что да, есть вот такая часть жизни.

— Ольга, что-то посоветовали бы вы тем, кто впервые сталкивается с инклюзией в своей деятельности?

— Сразу же ознакомиться со всей доступной информацией и изучить самые простые правила, если вы их не знаете. Мне очень повезло, потому что у меня было два человека, которые уже очень давно занимались и скорее не я их обучала, а они меня в каком-то смысле. У них уже был опыт общения с другими педагогами, с другими руководителями кружков, и они уже умели этот контакт социальный налаживать. Трудности у меня случились, и даже не трудности, а препятствия только с Арсением начались, потому что у него аутический спектр, а у Саши и Юли нет, и это какая-то совсем особенная история, про которую надо было почитать, чуть больше напрячься.

И наверное, надо быть готовым постоянно что-то новое пробовать, потому что не обязательно получается с первого раза, для каждого человека нужен свой подход. И в работе с ребятами с особенностями развития этот подход может быть до такой степени неочевидным, что, возможно, придется много что попробовать. Но главное — пробовать и слушать.

Чего не надо делать — это стараться изменить человека в стремлении всеми силами приблизить его к нормотипичному поведению. Я бы, наверное, сломалась или ребят бы сломала, если бы пыталась их менять. А когда перестаешь менять, они очень много сюрпризов преподносят, и есть куда развиваться.

Интервью: Елизавета Журавель

Автор картины: Быкова Виктория

Татьяна Касьяненко, руководитель мастерской керамики «Перспектив», работающей в Психоневрологическом интернате № 3 (Петергоф).

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ ИЗ ГЛИНЫ КАК ИННОВАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ МАСТЕРСКОЙ КЕРАМИКИ

Компьютерные технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни. Они открывают большие возможности для создания инновационных проектов и поиска новых, нестандартных подходов в различных сферах деятельности и работе с людьми, в том числе и с тяжелыми нарушениями развития.

В настоящее время мы можем наблюдать слияние традиционных ремесел с современными технологиями, которые образуют новые направления в искусстве.

Керамика и мультипликация

Керамика — прикладное искусство, которое соединяет в себе художественную и утилитарную функции. Богатые качества глины определяют и различные подходы к формообразованию декоративных и утилитарных изделий, творческих работ. Глина как материал позитивно влияет на сенсомоторную деятельность, формирует продуктивную мотивацию, развивает мелкую моторику, произвольное внимание, воображение, речь, коммуникативные навыки. Получив на занятиях керамикой определенные навыки работы с глиной, усвоив технические особенности, люди могут проявлять свои творческие способности, а в дальнейшем развивать их. Поэтому необходимо давать выполнять не только обязательные задания по лепке тех или иных предметов, но уделять отдельное время выполнению творческих работ. Давать проявить фантазию и экспериментировать с материалами, а также использовать уже полученные знания и навыки работы с материалом.

При просмотре мультфильма на экране у зрителей возникает эффект одушевления персонажей, иллюзия их движения. Все анимационные фильмы можно квалифицировать по различным типам и технике исполнения, но нам ближе всего пластилиновая анимация, так как пластилин похож по свойствам с глиной. В пластилиновой мультипликации видеоролик создается путем покадровой съемки объектов, вылепленных из пластилина, с модификацией этих объектов в промежутках между кадрами. Можно выделить несколько съемочных техник, но нас интересует техника-перекладка. При работе в этой технике композиция состоит из нескольких слоев персонажей и декораций, располагающихся на различных стеклах, которые находятся друг над другом, а камера размещается вертикально над ними. Эта техника послужила основой для нашей работы.

Выразительные средства мультипликации стимулируют творческую активность, помогают развить мышление и коммуникативные навыки. Можно сказать, что и у мультипликации, и у занятий в керамической мастерской есть общая цель — это социализация через творчество и искусство.

История мастерской керамики

Мастерская керамики «Перспектив» при ПНИ № 3 в Петергофе была основана в 2008 году. Основной целью работы мастерской было — содействие социальной адаптации молодых людей с тяжелыми нарушениями и особенностями развития, обеспечение подопечных интересной и полезной деятельностью, которая позволит им расти как личность, развивать творческие способности, получать трудовые навыки и открывать для себя что-то новое.

Условно клиентов, которые посещают занятия можно поделить на три группы: подопечные, наиболее нуждающиеся в помощи педагога или волонтера, в меньшей степени нуждающиеся и практически не нуждающиеся в помощи.

Ориентируясь на индивидуальные возможности человека, на занятиях в мастерской керамики применяются оригинальные адаптированные техники работы с глиной, такие как «лепка из пласта», «лепка из жгута», техника «бутылка» и другие, в результате чего подопечный может создать готовое изделие — от мелкой сувенирной продукции, до ваз и тарелок. Крупные вазы и тарелки в основном являются полностью авторскими творческими работами, выполненными подопечными самостоятельно.

Одной из задач педагога является поиск новых форм организации работы и новых рабочих методов мастерской. Для меня таким инновационным методом стала глиняная мультипликация.

Проект «Живая глина»

В январе 2021 года в нашей керамической мастерской появилось новое инновационное, творческое направление работы — глиняная мультипликация и проект «Живая глина». В этом проекте сейчас в основном задействованы ребята, которые способны самостоятельно посещать занятия, без сопровождения педагога и волонтера, однако для выполнения задания им требуется большое количество сторонней помощи. А также ребята, которые могут выполнять задания с минимальной помощью или же полностью самостоятельно. Но в дальнейшем планируется привлечь к участию в проекте ребят, которые проходят на занятия в основном в сопровождении педагога-воспитателя или волонтера и работают исключительно в технике «рука в руке» и нуждаются в большей сторонней поддержке.

Техника пластилиновой анимации была адаптирована и приспособлена под условия работы в керамической мастерской с учетом всех особенностей наших подопечных.

Камера располагается вертикально над съемочным столом, но все персонажи и декорации находятся на одной плоскости, и модификация персонажей происходит путем техника «stop motion».

Идеи, цели и задачи

Данное направление работы в мастерской керамики позволяет:

- иначе взглянуть на материал (глину), с которым ребята привыкли работать
- по-новому применить свои навыки работы с глиной
- проявить свои творческие способности
- развивать умение работать в команде

А также узнать, как с помощью простых подручных средств и обычного смартфона глина «оживает».

Цель: создание короткометражных мультфильмов или видеороликов доступными средствами. Аспектом творческого процесса выступает открытие внутреннего мира автора мультфильма. Педагог помогает клиенту выразить авторскую мысль и справиться с переживаниями определенных эмоций при создании видеоролика. Так, мультфильм «Книга и бабочка» Игоря Королевского открывает для нас внутренний мир автора в моменте, здесь и сейчас. Мы узнаем, что Игорь очень любит смотреть книги, наблюдать за живой природой и способен передать свое видение данной темы посредством командной работы с педагогом над глиняным мультфильмом.

Важными факторами мотивации к занятиям являются интерес к мультипликации в целом и новый вид деятельности в керамической мастерской. Мультфильм дает прекрасные возможности для интеграции различных видов деятельности (лепка, чтение художественной литературы, наблюдение за окружающим миром, сочинение историй, драматизация и пр.), способствующих созданию творческого продукта, а именно мультфильма или видео.

Техническое оснащение и особенности процесса съемки

Необходимое оборудование для съемок: стол, кольцевая лампа, смартфон, любое приложение для видеомонтажа.

Процесс съемки

Обсуждение темы: тему выбираем в процессе разговора и обсуждения с авторами или автором мультфильма, учитывая их/его предпочтения и интересы.

Поиск материалов: после того, как мы определились с темой видеоролика, начинается поиск необходимых материалов для сочинения истории или сюжета. Это просмотр иллюстраций в книгах, тематических видео, прогулки со сбором природных материалов и наблюдением за окружающей средой.

Раскадровка: процесс раскадровки, это покадровый рисунок на бумаге с письменными пояснениями действий во время съемок. Раскадровку делает педагог, ребята наблюдают.

Подготовка съемочного места: для подготовки съемочного места необходимо убрать со стола лишние вещи, не участвующие в съемках, установить смартфон на штатив и включить кольцевую лампу. Под наблюдением и комментарии педагога ребята осуществляют этот процесс самостоятельно.

Подготовка необходимых материалов для съемки: может выполняться заранее или отдельно на занятии. Опираясь на сценарий истории и раскадровку, клиенты подготавливают из глины необходимых героев и детали декораций.

Сама съемка не посредственно: у съемочного стола находятся, педагог, который руководит съемкой, управляет смартфоном, дает четкое руководство авторам, по перемещению реквизита в кадре и клиент, если это мультфильм или видео одного автора. Если это групповая работа, то у стола находятся несколько авторов по очереди, каждый выполняя свою ранее оговорённую операцию, остальные наблюдают за процессом.

Монтаж: так как это сложный технический процесс, то им занимается педагог непосредственно на своем смартфоне с помощью приложения по видеомонтажу (у меня inshot)) в свое методическое время.

Выбор фоновой музыки: когда готов основной монтаж видео, необходимо выбрать фоновую музыку и звуковое сопровождение. Наши клиенты имеют особенности, среди которых присутствуют речевые нарушения. Некоторые ребята не владеют речью, но это не мешает им создавать мультфильмы. Педагог предлагает выбор вариантов музыки авторам. С помощью фоновой музыки или звуковых эффектов наиболее полно можно передать эмоции, идею автора и погрузиться в видеоряд.

Окончательный монтаж: после того, как авторы определились с выбором музыки, педагог делает окончательный монтаж и сохраняет готовое видео.

Совместный просмотр на большом экране: когда мультфильм готов, все участники съемок собираются за столом и во время чаепития смотрят и обсуждают результаты своих трудов.

Групповые и персональные видеоролики и мультфильмы

Мультфильмы и видеоролики можно подразделить на **групповые** (в обсуждении идеи, подготовке, съемке участвуют несколько авторов, чаще до 5 человек) и **индивидуальные** (один автор)

Коллективные видео, чаще всего это видеопоздравления или мультфильм, съемки которого рассчитаны на длительный срок. Например, наши видеоролики поздравления с Новым годом, Рождеством или на День космонавтики, а также наш первый мультфильм «Так задумано». Тематика этого мультфильма навеяна природными явлениями и сменой погодных сезонов. Данный мультфильм является длительным проектом и съемки рассчитаны на год. Каждая серия выходит соответственно смене времен года. Участвуют в «Так задумано» максимальное количество авторов, 6 человек.

Авторский индивидуальный мультфильм — это, как правило, индивидуальная история человека, его личные переживания, предпочтения или реальная история из жизни.

Для более эффективной передачи эмоций и содержания сюжета используется фоновая музыка и печатная пояснительная история, которая публикуется в начале видео, когда мы его загружаем в нашу группу в социальной сети ВКонтакте, или проговаривается устно перед показом офлайн.

Например, пояснительная история перед мультфильмом «Тайна тарелки» Саши Сватковского: «А вы знали, как появляются наши глиняные тарелки? Нет? Мы откроем вам секрет. Смотрите мультфильм "Секрет тарелки", который мы сняли с Сашей Сватковским. Он занимается в мастерской керамики уже не первый год. Ему нравится лепить из глины, особенно тарелки и миски в технике «лепка из жгута»». Видеоролик рассказывает зрителю не только об авторе мультфильма, но является ознакомительным и обучающим, так как раскрывает тайны появления керамических тарелок через призму творческого видения Саши.

Еще один авторский мультфильм — «Про рыбку» Ильи Матюшева — рассказывает нам историю из жизни автора. «Илья очень любит посещать во время прогулок с родителями зоомагазин. Там, у продавца Жанны, в продаже всегда много рыбок. Илья часто наблюдал за обитателями аквариума и мечтал о своей собственной рыбке. Мечты сбываются! В один прекрасный день дома у Ильи появился аквариум, и не с одной рыбкой, а еще и с двумя улитками Мартой и Наташей. Теперь, когда Илья приезжает домой к родителям, он уже может наблюдать за жизнью своих собственных питомцев».

С января 2021 года, когда начал работу проект «Живая глина», по сентябрь, мы с ребятами отсняли 5 видеопоздравлений к праздникам (Новый год, Рождество, день Св. Валентина, ролик, посвященный весне и Дню Космонавтики), а также 3 индивидуальных мультфильма по истории авторов и 4 части долгосрочного проекта — коллективного мультфильма «Так задумано». За это время в проекте приняло участие около 10 ребят. Им очень нравится новый вид деятельности. Создание мультфильмов внесло разнообразие в привычную для них работу на занятиях. Во время работы над мультфильмами, подготовкой персонажей и процесса съемки, положительно меняется эмоциональное состояние подопечных. Особенная радость проявляется при просмотре готового видео и идентификации себя на экране (руки в кадре, узнавание своих персонажей, которых конкретный клиент изготовил для мультфильма). Также приобретаются новые навыки и понимание последовательности действий во время съемки.

Таким образом, глиняная мультипликация — это уникальная возможность объединить традиционное прикладное искусство керамики с современным искусством мультипликации. Этот новый вид деятельности в керамической мастерской повышает интерес к работе за счет разнообразия форм деятельности и помогает социализации клиентов, развитию творческих способностей и навыков работы в команде. Также появляется новый вид готового продукта, отличающийся от привычных изделий керамической мастерской. Глиняный мультфильм может являться альтернативой выставкам творческих работ и знакомить широкий круг людей с работой нашей мастерской.

Посмотреть наши мультфильмы и видеоролики можно в группе vk.com/club131603227.

Автор картины: Беянин Дмитрий

ЖИВОПИСЬ ПРОЦЕССА — техника, главной целью которой является сам акт создания произведения, а не полученный результат.

Как адаптировать для различных групп подопечных

Для данной техники можно использовать любые материалы. Главная задача арт-педагога здесь — направить внимание художника на процесс, обсудить с ним формальные/содержательные особенности произведения, задать вопросы. Техника помогает сформировать чувство сопричастности и обеспечивает понимание происходящего в мастерской. Вопросы, которые помогут художнику:

- О чем ты думаешь, когда работаешь над своим произведением?
- Что ты знаешь о материалах и технике, которые используешь в работе?
- Какие образы/ассоциации у тебя возникают, когда ты смотришь на готовую работу (слова, чувства, воспоминания, зрительные образы)?

Что понадобится

Любые материалы

ДРИППИНГ (от англ. drip painting — капельная живопись) — техника абстрактной живописи, когда художник наливает или разбрызгивает жидкую краску на горизонтальную поверхность холста или бумаги. В результате получаются эффектные рельефные изображения в духе абстрактного экспрессионизма Дж. Поллока.

Как адаптировать для различных групп подопечных

Холст или бумагу лучше всего расположить на полу мастерской. Для нанесения (разбрызгивая) краски можно использовать как кисть, так и другие предметы: валики, палочки, деревянные черенки и так далее. Краску можно наносить одним легким слоем или создавать объёмные многоуровневые композиции. Техника привлекательна своей зрелищностью, процесс работы динамичен, захватывает и вовлекает. В студии этой техникой пользовались художники, ограниченные в движении, но в целом, она универсальна.

Для работы можно использовать любую негустую краску: пойдёт и гуашь, и акрил, и даже бытовые водно-дисперсионные эмали. В качестве основы лучше использовать холст, так как высохшая краска с бумаги может осыпаться.

Что понадобится

Фартук, набор кистей, валики, палочки, краски (для удобства их лучше наливать в широкие емкости), бумага/холст.

ЛЕТТЕРИНГ (англ. lettering) — это рисование букв. С помощью этой техники можно создавать различные надписи и буквенные композиции на бумаге, холсте, доске и любых других поверхностях, превращать текст в рисунок.

Как адаптировать для различных групп подопечных

Для этой техники характерно повышенное внимание к деталям. Каждая буква уникальна и играет важную роль в композиции. В целом техника декоративная и подойдет тем, кто любит длительную и кропотливую работу, погружение в процесс. Для работы могут использоваться самые разные материалы: цветные и чернографитные карандаши, фломастеры, маркеры, тушь, разные виды красок (на выбор художника).

Что понадобится

Бумага, цветные и чернографитные карандаши, фломастеры, маркеры, тушь, разные виды красок, пастель, восковые мелки и т.п.

ПАЛЬЧИКОВЫЕ КРАСКИ. Техника нанесения краски поверхностью рук. Можно использовать любые нетоксичные краски: гуашь, акрил. Бумага должна быть плотной и надежно закреплена при помощи скотча.

Как адаптировать для различных групп подопечных

Техника подходит людям, которым по тем или иным причинам недоступна (затруднена) работа с кистью, карандашами, фломастерами и другими классическими материалами. Работа в рамках данной техники может строиться по принципу художник — ассистент: перед художником в ряд ставятся емкости (банки) с краской; художник взглядом показывает на нужный цвет или оттенок, а также то место на поверхности бумаги, куда необходимо добавить краску; ассистент берет выбранный цвет и наливает небольшое количество на лист; далее художник распределяет краску по поверхности.

Что понадобится

Фартук, плотная бумага или картон, гуашь, акрил.

РЕЛЬЕФ. Техника создания объемного изображения на плоскости.

Как адаптировать для различных групп подопечных

Один из художников арт-студии использует для создания своих рельефов картон и загустевшую гуашь. На плоскости стола закреплен лист картона или очень плотной бумаги. Поверх листа мастихином выкладываются сгустки гуаши разных цветов. Иногда художник добавляет в композицию найденные предметы: кисти, точилки, обрывки изображений, скрепки и т.д. В результате получаются яркие скульптурные полотна в духе Роберта Раушенберга.

Что понадобится

Фартук, плотная бумага или картон, загустевшая или засохшая гуашь, различные предметы, фрагменты фотографий, книжных или журнальных иллюстраций.

ДЕКОРИРОВАНИЕ ФОТООБОЕВ

Некоторым художникам будет особенно интересно дополнять уже готовое фотографическое изображение собственными персонажами и образами. Большой формат дает впечатление целой вселенной. Хорошо подойдет художникам, которым тяжело целиком закрасивать лист, но очень надоел белый фон.

Как работать:

- Надеть одноразовые перчатки и фартук
- Закрепить молярным скотчем обои на мольберте или полу. Хорошо подойдут обои с пейзажем или космосом
- Подготовить краски, кисти, фломастеры
- Начать рисовать
- Некоторым художникам требуется больше помощи, например, занятия рука в руку

Что понадобится

Одноразовые перчатки и фартук, рулон обоев, краски, ножницы, кисти разных размеров, валики, скотч малярный, емкость для воды, карандаши, ручки, фломастеры, палитра.

КНИГА ХУДОЖНИКА

Произведение искусства, в котором автор прорабатывает не только содержание и иллюстрации, но и все остальные элементы книги. Техника будет особенно интересна художникам, которые любят разглядывать книги, перелистывать страницы. Полезна людям, которым сложно долго удерживать внимание, так как каждая новая страница будет восприниматься как новое произведение.

Как работать:

- Стопку бумаги согнуть пополам
- Соединить листы на сгибе степлером
- Начать рисовать и делать записи
- Если у вас готовый альбом, то первые два пункта можно пропустить
- Начать рисовать, используя разнообразные материалы
- Возможно, придется дополнительно закрепить альбом скотчем, чтобы исключить передвижение по столу
- С некоторыми художниками полезно обсуждать процесс работы: возможно, получится воссоздать единую историю от страницы к странице
- Если художник работает быстро, то не рекомендуется использовать жидкие материалы, дабы избежать склеивания страниц

Что понадобится

Бумага одинакового формата или готовый альбом или блокнот, клей, степлер, ножницы, фломастеры, карандаши, цветные ручки, восковые мелки.

НАБИВКА ГУБКАМИ

Техника разнообразит способы нанесения краски на лист. Подойдет художникам, которым свойственны ударные движения руками.

Как работать

- Закрепить лист или отрез ткани малярным скотчем
- Выбрать изображение
- Сопровождаемому придется вырезать трафарет для художника
- Закрепить трафарет на бумаге или ткани малярным скотчем
- Начать переносить изображение постукивающими движениями
- Некоторым художникам требуется больше помощи, например, занятия рука в руке

Что понадобится

Бумага или ткань, компьютер и принтер, краска, резак, ножницы, малярный скотч.

ЦВЕТНЫЕ ТУШИ

Техника хорошо подойдет для разнообразия графических приемов художника. Развивает мелкую моторику рук. Рисование пером делает линию изысканной. В данной технике мы заимствуем приемы традиционной китайской живописи и каллиграфии.

Как работать

- Закрепляем лист на столе малярным скотчем
- Подготавливаем воду и инструменты
- Начинаем рисовать
- Старайтесь не подходить к работе, как к упражнению по каллиграфии. Нет задачи зарисовать лист одинаковыми элементами
- Обратите внимание на разнообразие приемов
- Можно разливать тушь из банки через край на лист и от лужи проводить линии

Что понадобится

Бумага, вода, скотч малярный, перья, можно заточить палочки для суши и рисовать ими, мягкие кисти, тушь разных цветов.

ШВАБРОПИСЬ

Техника дает хорошую физическую нагрузку. Хорошо подходит для людей, которым недоступна мелкая моторика рук. Данная техника близка к монументальной живописи и дает возможность прочувствовать большой формат.

Как работать

- Надеть одноразовые перчатки и фартук
- Расстелить рулон ватмана или обоев, закрепить скотчем
- Подготовить краску в больших емкостях, что бы туда могла свободно помещаться кисть
- Закрепить большую кисть или валик к ручке для валика или рукоятке от швабры
- Начать рисовать
- В работе стараться находить новые сочетания цветов и линий
- Если художник на коляске, имеет смысл приклеить лист к полу по всему периметру, чтобы края бумаги не цеплялись за колеса
- Некоторым художникам требуется больше помощи, например, занятия рука в руке

Что понадобится

Одноразовые перчатки и фартук, бумага или рулон обоев, краски в широких емкостях, ножницы, большие малярные кисти, валики, рукоятка от швабры, скотч малярный, емкость для воды.

Автор картины: Колузаев Виталий

**Роман Можаров, педагог компьютерного класса «Перспектив»
в Психоневрологическом интернате № 3 (Петергоф).**

Занятия в компьютерном классе проходят четыре дня в неделю. Здесь есть вся необходимая техника, у части ребят есть своя — смартфоны, компьютеры или ноутбуки, средства альтернативной коммуникации.

Конкретного плана занятий нет — мы всегда отталкиваемся от того, чем хочет заниматься ученик. Ребята смотрят фильмы, пишут стихи и музыку, работают с текстом и графикой, сидят в соцсетях, общаются с друзьями. Кто-то приходит просто посидеть и спокойно послушать музыку.

Главное — это возможности, которые дает людям с тяжелыми нарушениями современная техника. Она расширяет их. А наша задача — помочь ребятам с ней наиболее эффективно обращаться.

Ниже — примеры того, как мы строим работу в своем компьютерном классе.

РАБОТА С ИЗМЕНЕННЫМ ИНТЕРФЕЙСОМ СМАРТФОНА

Для подопечных нашей организации, которые хотели бы пользоваться смартфоном, но по каким-либо причинам испытывают затруднения, измененный интерфейс смартфона может быть решением, качественно улучшающим работу.

Как работать

- Выявить необходимый для подопечного функционал на смартфоне
- Подготовить интерфейс (используя конструктор интерфейсов)
- Подготовить индивидуальную инструкцию для смартфона с карточками альтернативной коммуникации

Что понадобится

Смартфон

РАБОТА В КОМПЬЮТЕРНОМ КЛАССЕ С СОПРОВОЖДЕНИЕМ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАРТОЧЕК АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Суть техники заключается в том, что, прежде чем использовать карточки альтернативной коммуникации, мы не только вместе с педагогами проводим обсуждение по использованию карточек, но и приглашаем самого подопечного участвовать в выборе доступных и понятных символов, а затем создаем макет.

Как работать

- Обсудить с педагогами актуальность и способы использования карточек альтернативной коммуникации
- Обсудить с подопечным весь процесс
- Совместно с подопечным подготовить несколько файлов с карточками альтернативной коммуникации

Что понадобится

ПК, программа с карточками альтернативной коммуникации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА В КОМПЬЮТЕРНОМ КЛАССЕ

Очень частый запрос от подопечных заключается в том, что они имеют намерение пользоваться интернет-ресурсами, но часто подобное для них невозможно в силу того, что нету персональных ПК, либо доступа в интернет. Здесь я привожу несколько важных моментов о том, как можно организовать работу в подобном направлении.

Как работать

Весь процесс не требует детального рассмотрения, однако здесь скорее важно то, что подопечный (в нашем случае взрослый с ТМНР) принимает участие в подобном виде деятельности. Само собой посредством интернета возможна как социальная активность, так и управление какими-либо операциями (например, покупка в интернет-магазине). Важно лишь то, насколько мы будем сопровождать подопечного в этом процессе.

Что понадобится

ПК

РАБОТА НА КОМПЬЮТЕРЕ С ИЗМЕНЕННЫМ ИНТЕРФЕЙСОМ

Измененные настройки администрирования позволяют неопытным пользователям ПК избежать трудностей в работе.

Как работать

В измененные настройки администрирования могут входить: запрет на использование некоторых функций; запрет на изменение времени; запрет на удаление файлов и приложений; запрет на установку приложений и так далее.

Что понадобится

ПК

ПОМОЩЬ В ОБСЛУЖИВАНИИ В КОМПЬЮТЕРНОМ КЛАССЕ

Для многих наших посетителей компьютерный класс ассоциируется с местом, где можно получить помощь по наладке собственных устройств. Поскольку это довольно частый запрос, то ему тоже нужно уделять время, как одной из форм морально-психологического обеспечения с нашей стороны.

Как работать

При организации помощи по наладке собственных устройств, запросы могут быть относительно: подбора техники, соответствующей потребностям; подбора программного обеспечения; решения по оптимизации; планирование обучения по определенным операциям.

Что понадобится

ПК, базовые инструменты, набор программ для восстановления системы

Перед вами техники, используемые на музыкальных занятиях для укрепления и развития функции дыхания. Эти упражнения полезны не только для улучшения качества дыхания людей с ТМНР, но и для лучшего понимания ими возможностей своего тела, для творческого самовыражения и контактов с окружающими людьми. Это позволяет стабилизировать эмоциональное состояние и в целом ведет к улучшению качества жизни людей с ТМНР.

ПОЗНАКОМИТЬ УЧАСТНИКОВ С ТЕМ, КАК ОНИ ДЫШАТ

«Шум деревьев»: одну руку на грудь, другую — на живот — несколько минут, дышим грудью.

«Медведь» — то же самое, но дышит живот.

«Что за шум?» - то же + отличить, чем ты дышишь, грудью или животом?

Через несколько минут спросить:

«Чем ты дышишь, грудью или животом?»

Эти упражнения можно использовать как для ходячих подопечных, так и для тех, кто сидит в коляске и даже для лежащих в кровати. Если спастика рук не позволяет дотянуться до груди или живота, можно слегка помочь своей рукой, но не делая больно. Каждый делает в том объеме, который ему доступен. Нужно предварительно грамотно установить контакт. Упражнения не подходят тем, кто не может понять их смысла. В этом случае можно просто послушать шум леса и последить за дыханием подопечного. Можно положить свою руку на его живот или грудь и отмечать для себя его реакции, дышать ровно вместе с ним. Важно перед упражнением спросить согласия человека прикоснуться к его телу, даже если он не говорит, и получить ответный сигнал, например, взглядом — или отсутствие негативного сигнала (лежит спокойно, ровно дышит).

РАБОТА НАД ГЛУБИНОЙ ДЫХАНИЯ

«Медуза» — свободное глубокое дыхание с руками. Руки медленно и плавно поднимаются и опускаются, танцуют синхронно с дыханием, вместе или поочередно.

Упражнение также доступно всем трем группам подопечных: как ходячим, так и сидящим в коляске и многим лежащим в кровати. Если силы рук не хватает, сопровождающий помогает человеку их поднимать и опускать в ритме спокойного дыхания. Напоминаем участникам, что плечи поднимать не надо, только руки!

РАБОТА С ГЛУБИНОЙ И ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ВДОХА И ВЫДОХА

«Короткий/длинный» — регуляция длины вдоха и выдоха. Короткий вдох + длинный выдох.

«Побежали!» — то же, но короткий вдох и короткий выдох.

«Отдыхаем» — длинный вдох и длинный выдох.

«Будь здоров!» — длинный вдох и короткий выдох.

Упражнения доступны для всех групп подопечных, кто в состоянии следить за длиной вдоха и выдоха. Важно начинать эти упражнения с короткого времени, 1-2 минуты на упражнение, чтобы не допустить гипервентиляции и головокружения у участников.

Музыка для этих упражнений нужна поочередно — быстрая и медленная.

НАУЧИТЬСЯ РЕГУЛИРОВАТЬ ВДОХ И ВЫДОХ С ДВИЖЕНИЕМ

«**Качели**» — регуляция вдоха-выдоха с движением. Руки как качели: движение вверх = вдох, вниз и назад = выдох. Колени пружинят. Если недостаточно сил для поднятия рук, сопровождающий помогает, слегка поддерживая ладони подопечного.

«**Свинг**» — как качели, но с прыжком. Упражнение доступно только для ходячих подопечных. Те, кто сидит в коляске, повторяют в это время «Качели».

Для этих упражнений подойдет любая энергичная музыка.

УМЕНИЕ ЧУВСТВОВАТЬ СВОЕ ТЕЛО В МОМЕНТ «РАСКРЫТИЯ» И «СЖАТИЯ»

«**Насос**» — накачиваем воздушный шарик из положения сидя в положение стоя. Работает все тело. Туда-сюда, каждый раз — немного больше. Вариант: «**Большой насос**»: держась за руки в большом кругу, сидим на корточках близко-близко друг к другу, потом постепенно «**надуваем шар большой-большой**». Окончание: положение стоя, держась за вытянутые руки в большом кругу.

Упражнение доступно для ходячих подопечных. Сидящие в коляске «**надувают шар**» за счет максимального выпрямления позвоночника и отводя плечи назад и вниз.

Делаем оба варианта («Насос» и «Большой насос»), стоя в кругу. Необходимо участие помощников, если в группе есть люди в колясках — чтобы помочь тем, кто в коляске, вместе со всеми отходить назад, раздувая шар.

Подойдет любая легкая, веселая музыка.

Основными формами занятости на занятиях в музыкальном классе являются: обучение пению и игре на музыкальных инструментах; обучение хоровому исполнению небольших пьес с использованием многоголосия; развитие слухового внимания и восприятия; проведение ситуативных игр на занятиях, развивающих социальные навыки, контроль за движениями; развитие эмоционально-волевой сферы; формирование музыкального кругозора; проведение танцевальных занятий; совместные занятия с педагогами отделений и с персоналом интерната.

Примеры техник, которые мы используем:

«ИНТЕРЕСНО, ЧТО ЗА ПТИЦА?»

В нашем парке летом проводят время много певчих птиц. Часто, слушая с ребятами птичьи голоса, мы стараемся угадывать, что за птица поет. Они с легкостью и удовольствием отгадывают звуки основных представителей птичьей фауны, таких как чирикание воробья, карканье вороны или кряканье утки.

В зависимости от степени подготовленности группы к слуховому анализу, целесообразно дозировано подходить к подаче изучаемого материала.

Как строится работа

- Проводится предварительный подбор группы
- Выбор основной темы
- Ознакомление с природой родного края
- Наблюдение за поведением птиц во время пения, кто как поет

Что понадобится

Учебно-методическая литература; проектор, видеозаписи пения птиц; магнитофон, аудиозаписи пения птиц; наглядно-дидактическое пособие «Птицы»; подходящая сезону одежда для выхода на улицу.

«УЗНАЙ, ОТКУДА ЗВУК»

Неважно, что это — звук ручья или проезжающей мимо машины, внезапно появившийся из тишины. Попросите вашего подопечного показать рукой, откуда доносится звук! Это упражнение не только развивает слуховое внимание, но и формирует пространственные представления.

В применении этой техники важны такие моменты, как: дозированная подача материала, индивидуальные занятия или работа в мини-группах, использование привлекательного для подопечного звучания/инструмента; контроль силы звука, чтобы не испугать неподготовленного слушателя, а также человека с повышенной сенсорной чувствительностью.

Как строится работа

- Проводится предварительный подбор группы
- Диагностика. Предложите подопечному повторить за вами ритм, который вы прохлопаете в ладоши
- Игра-тренировка с закрытыми глазами: предлагаем угадать, с какой стороны звенит колокольчик, играет музыкальный инструмент
- Рекомендуется первоначальный этап упражнения проводить в помещении с минимумом посторонних шумов, для более полной слуховой концентрации

Что понадобится

Музыкальный инструмент; повязка на глаза, аудио воспроизводящее устройство; записи различных шумов, природных явлений и т.д.; комфортная, подходящая одежда для выхода на улицу.

«МУЗЫКА ЛЕСА»

Гуляя по парку, мы нередко разбавляем нашу прогулку любимыми песнями. Но что делать, если мы забыли музыкальные инструменты? К счастью, на помощь приходит природный материал. Наши ребята имеют представление, что два стучащих камушка будут представлять из себя ритмическую партию барабана, а если провести палочкой по ребрам лавочки, то будет похоже на звук латиноамериканского инструмента под названием гуиро!

Подбор природного материала должен происходить в соответствии с возможностями подопечного.

Как строится работа

- На первоначальном этапе занятия элементарной ритмикой
- Передача музыкальных образов при помощи движений
- Танцы
- Упражнения: бег, ходьба, прыжки, повороты, наклоны, приседания

Что понадобится

Природный материал, например камни, ветки дерева, шишки, желуди, скорлупки от орехов и т.д.; комфортная подходящая одежда для выхода на улицу

«В МОЕМ ТЕМПЕ»

Сидя в парке на лавочке, можно поиграть в игру под названием «в моем темпе». Простое и веселое упражнение. Назначается ведущий, который должен отстукивать ритм: он может быть медленным, может ускоряться или замедляться, а внимательный слушатель должен вторить солисту, быть внимательным и стараться как можно точнее повторить ритмический рисунок.

Действовать нужно в соответствии с возможностями подопечного: использование рук, ног, покачивание туловища, дыхание, вдох, выдох, моргание глазами.

Как строится работа

- На начальном этапе занятия проводят в парах
- Индивидуальное сопровождение
- В процессе подготовки возможно подключение трех, четырех подопечных
- В процессе занятий усложнение, идем всегда от простого к сложному
- Варьирование темпа, силы звука

Что понадобится

Простейшие музыкальные инструменты; природный материал, например, камни; возможно использование музыкальных записей, уже знакомых подопечным.

«НАЙДИ ПАРУ»

Во время этого занятия подопечные выполняют «сортировку» звучаний музыкальных инструментов по категориям: например, ударные инструменты к ударным, струнные к струнным. Таким образом мы можем развить представление о различных музыкальных инструментах, поближе познакомимся с характером их звучания.

Материал следует подбирать в соответствии с возможностями подопечных.

Как строится работа

- Предлагаем подопечному найти два одинаковых или похожих по звучанию музыкальных инструмента
- Остальные оценивают правильность выполнения поставленного задания
- Занятие проводится как в группе, так и индивидуально

Что понадобится

Разнообразные музыкальные инструменты, похожие по звучанию.

Автор картины: Гульцев Александр

Основной формой занятий в театральной студии являются актерские тренинги. Они разнообразны и направлены на максимальное раскрытие способностей человека, его раскрепощение, что, в свою очередь, развивает его актерский потенциал. Вот лишь несколько практик из нашего арсенала.

«ОРКЕСТР»

В этом упражнении мы работаем с дыханием, с посылом голоса и громкостью посылы голоса, учимся взаимодействовать с партнером и с коллективом в целом.

Есть непосредственно сам оркестр и дирижер. Но вместо инструментов используется голос. Каждый участник выбирает фразу или слово, которое он будет повторять в зацикленном формате, и упражнение-игра начинается. Дирижер может включать и выключать из общего звучания как отдельного участника, так и весь оркестр, а также может регулировать звук подачи текста, который произносят игроки — от тихого до крика.

Для людей с ограниченными возможностями предлагается произнести одно слово или только какой-то звук.

«ЗЕРКАЛО»

Упражнение на взаимодействие, внимание, пластику — в нем один человек «зеркалит» движения второго. При правильном выполнении и грамотно подобранной фоновой музыке упражнение завораживает своей красотой и дает мощнейший энергетический заряд всем участникам тренинга. Его можно делать вместе, разбившись на пары или же всем вместе наблюдать за работой одной пары.

«Зеркало» классическое. Вся группа разбивается на пары. Один показывает движения, другой — зеркалит. По хлопку смотрящийся и отражающийся меняются.

«Зеркало» со сменой партнеров. Все разбиты по парам, но пары стоят по кругу. По хлопку происходит переход и состав пар меняется.

«Зеркало» групповое. Один ведущий, а вся остальная группа повторяет движения.

Вариация «Тень». Когда один человек или целая группа идут позади ведущего и повторяют его движения.

Можно выбрать один из вариантов выполнения:

- движения делаются максимально медленно, чтобы действия партнеров стали абсолютно синхронными
- скорость движения неважна, все делают упражнения соразмерно своим возможностям

«ПАКЕТЫ»

Это хорошее упражнение на дыхание, а также на внимание и координацию. Целлофановые пакеты — очень легкий и пластичный материал, с помощью которого можно организовать много интересных и полезных занятий.

Упражнение на дыхание. Для того чтобы держать пакетик в воздухе, нужен сильный и короткий выдох. Когда внимание исполнителя поглощено пакетиком и желанием максимально долго удержать его в воздухе, то человек начинает правильно дышать, а именно в диафрагму, для чего, собственно говоря, и делается данное упражнение. Можно делать как одному, так и в паре.

Жонглирование — упражнение на внимание и координацию. Главная задача этого упражнения — согласовать движения рук в работе с пакетиками. Можно начать с одного пакетика, просто подкидывая его в воздух, а затем усложнять, добавляя в свое жонглирование все больше пакетиков. Можно жонглировать одному, в паре или в группе.

Проводя это занятие для ребят с ограниченными возможностями, педагог может помочь тем, что будет держать пакетик перед губами студийца, а тот дуть.

Со самыми слабыми ребятами можно исполнять это упражнение в совершенно в другом формате. Можно взять руку человека и дуть на нее разными способами: коротким и сильным выдохом, медленным и мягким, теплым, холодным, пульсирующим.

Упражнение «жонглирование» для слабых подопечных можно адаптировать следующим образом: предлагать им просто поймать пакетик или предложить посмотреть, как он может летать, таким образом сфокусировав внимание на пакетике. Другой вариант, когда человек изучает фактуру пакетика — мнет его, пытается разорвать его, помахать им.

Упражнения могут выполняться как под музыку, так и без нее.

«СКОРОСТИ»

Хорошо развивает внимание и координацию. Количество участников в этом упражнении не важно. Все могут двигаться свободно и хаотично по всему пространству помещения. Заранее обговаривается, сколько скоростей у нас будет (минимум три и максимум десять). Но если участники очень хорошо освоили упражнение, можно увеличивать количество скоростей. Далее обозначаются все скорости по счету:

Первая скорость — самая медленная. Все тело будто заморожено. Эта скорость требует от актера немалого напряжения и умения владеть своим телом, не делать резких движений, все выполнять плавно.

При второй — темп чуть-чуть ускоряется. Любое движение происходит быстрее, чем при первой скорости, но еще не в обычном темпе.

Третья скорость — это обычный, повседневный темп каждого.

Четвертая скорость — это ускоренный темп.

Пятая скорость — почти бег. Все происходит в темпе, преувеличенно быстром. Педагог называет скорость, а участники практически выполняют. Задача участников — настроить весь организм переключаться быстро и точно со скорости на скорость.

Для человека, сидящего в коляске и ограниченного в движении, предполагается помощник, который будет возить коляску и помогать почувствовать на себе все темпы, связанные со скоростями.

С самыми слабыми ребятами упражнение происходит через тактильный контакт, когда педагог берет руку участника в свою и начинает очень аккуратно отбивать на его ладонь тот или иной темп, проговаривая словами, что сейчас происходит.

Еще один вариант исполнения — отбивать темп на барабане или бубне, подсказывая тем самым, в какой скорости сейчас надо двигаться. Понадобятся барабан или бубен.

«СКУЛЬПТОР И ГЛИНА»

Развивает воображение, пластичность, умение взаимодействовать.

Все разбиваются на пары. Один из них — скульптор, другой — глина. Скульптор должен придать глине форму (позу), какую захочет. «Глина» податлива, расслаблена, «принимает» форму, какую ей придает скульптор. Законченная скульптура застывает. Скульптор дает ей название. Затем «скульптор» и «глина» меняются местами.

Из человека можно не только лепить пластические формы, его можно еще и наряжать, предлагать поддержать какие-то предметы реквизита, и тем самым менять его облик, а затем давать ему посмотреть на себя в зеркало.

Для упражнения понадобится реквизит: различная бытовая или костюмная одежда.

ДЕКОР ТЕКСТИЛЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭКОМАТЕРИАЛОВ

Отличительная черта техники заключается в том, что, помимо красивого и необычного результата, позволяет выполнить подготовительный этап вместе с подопечными на свежем воздухе. Так, в хорошую погоду перед занятием можно выйти на улицу и вместе собрать листья и другие экоматериалы (яблоки, цветы, ветки), которые впоследствии будут использованы в качестве инструмента для печати по ткани и создания узоров. Также техника доступна для выполнения большинству людей, посещающих мастерскую.

Как работать

- Надеть одноразовые перчатки и фартук
- Выбрать лист из заранее собранных природных материалов
- Положить лист на подложку
- Выбрать краску, перелить ее на палитру
- Выбрать инструмент, которым клиент будет наносить краску на лист
- Закрасить лист краской
- Убрать подложку и приложить лист к ткани, плотно прижать его
- Поднять лист, осмотреть полученный результат
- Повторить вышеописанные действия столько раз, сколько необходимо
- Высушить краску при помощи фена

Какая помощь может потребоваться

Для тех, кто способен выполнить работу большей частью самостоятельно:

- Закрепить ткань при помощи бумажного скотча
- Придерживать или закрепить лист и подложку скотчем
- Вербально корректировать действия при необходимости

Для тех, кому требуется высокая степень поддержки и включение педагога:

- Педагог открывает краску самостоятельно или рука в руке
- Помогать держать и направлять инструмент при закрашивании листа

Материалы: фартук, одноразовые перчатки, краски, палитра, ткань, инструменты для нанесения краски (кисти, спонжи на ручке, губки или валики), картонная подложка, природные материалы, фен, бумажный скотч.

ПЕЧАТЬ ПО ТКАНИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СДЕЛАННОГО ВРУЧНУЮ ТРАФАРЕТА И СПОНЖА

Подопечный создает ровный красивый рисунок, выбранный самостоятельно. Плюсы техники в том, что она позволяет проявлять большую вариабельность в выборе подопечным рисунка, полную свободу в выборе цветовых сочетаний, получать аккуратный результат. И еще одним несомненным плюсом является доступность техники для выполнения всеми подопечными, посещающими мастерскую (для некоторых подопечных используется дополнительная наклонная поверхность).

Как работать

- Надеть одноразовые перчатки и фартук
- Выбрать трафарет из заранее составленной и расширяющейся библиотеки трафаретов
- Перенести шаблон на пленку
- Вырезать рисунок по контуру изнутри для создания трафарета
- Отклеить защитный слой пленки (пленка, как правило, подбирается темного цвета для создания большего контраста между тканью и трафаретом и различения подопечным границ)
- Наложить трафарет на ткань, выровнять и пригладить пленку. Все места на ткани, которые остаются без пленки, можно дополнительно заклеить малярным скотчем
- Выбрать желаемые цвета, которые переливаются на палитру
- Выбрать адаптивный инструмент, при помощи которого будет выполняться декор ткани
- Выполнить декорирование по трафарету, забирая краску спонжем с палитры и перенося ее постукивающими движениями на ткань.
- Снять трафарет с ткани
- При помощи фена подсушить краску

Какая помощь может потребоваться

Целесообразно прикрепить скотчем саму ткань и палитру к рабочей поверхности во избежание их падения или перемещения по столу. Роль палитры могут выполнять одноразовые тарелки или другие неглубокие емкости, имеющие бортики.

Большинству подопечных на этом этапе требуется только вербальная обратная связь и небольшая корректировка их действий. Однако для некоторых нужно больше помощи, например, занятия рука в руке.

Инструменты адаптируются под каждого индивидуально при необходимости. Например, специальная утолщенная или удлинненная ручка у кисти или спонжа.

Материалы: одноразовые перчатки и фартук, ткань, пленка самоклеящаяся строительная, ножницы, готовые спонжи на короткой ручке (или обычная губка и отдельно ручка) разных размеров, сделанные вручную спонжи на разных по толщине и длине ручках, небольшие валики, палитра для красок, краски акриловые для ткани, карандаш, скотч малярный, при необходимости дополнительная твердая наклонная поверхность, фен.

ПЕЧАТЬ ПО ТКАНИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ШТАМПОВ

Техника примечательна тем, что позволяет создавать разнообразные узоры, не прибегая к сбору или изготовлению дополнительных материалов. Доступна для большей части подопечных, посещающих занятия. Позволяет самостоятельно или с помощью педагога воплощать в жизнь художественные замыслы из заданных форм, таким образом результат одновременно и предсказуем (форма отпечатка), так и уникален за счет выбора цвета и расположения узора на холсте. Техника позволяет глубже понять и соприкоснуться с такими аспектами, как сила нажима и регулирование этой силы.

Как работать

- Надеть одноразовые перчатки и фартук
- Выбрать один или несколько штампов
- Выбрать краску, перелить ее на палитру
- Выбрать губки или спонжи на ручке, которыми будет наноситься краска на штамп
- Нанести краску на штамп
- Приложить штамп к ткани
- Поднять штамп, осмотреть полученный результат
- Повторить вышеописанные действия столько раз, сколько необходимо для завершения задумки
- Высушить краску при помощи фена

Какая помощь может потребоваться

Для тех, кто способен выполнить работу большей частью самостоятельно:

- Закрепить ткань при помощи бумажного скотча
- При необходимости использовать наклонную поверхность
- Вербально корректировать действия клиентов при необходимости
- Дополнительно положить мягкий слой под ткань, для лучшего пропечатывания

Для тех, кому требуется высокая степень поддержки и включение педагога:

- Открывать и переливать краску рука в руке с клиентом
- Помогать держать и направлять губку при закрашивании штампа
- При необходимости педагог сам удерживает штамп, пока подопечный наносит краску
- Прикладывать штамп к ткани рука в руке, помогая контролировать силу нажима

Материалы: фартук, одноразовые перчатки, краски, палитра, ткань, штампы, инструменты для нанесения краски на штамп, спонжи на ручке или губки, фен, бумажный скотч.

СОЗДАНИЕ ЗАГОТОВОК «ЛЯМКИ ДЛЯ ЭКОСУМКИ»

Техника примечательна тем, что состоит из нескольких этапов, различных по своему содержанию, позволяет развивать среднюю и крупную моторику, учит чувствовать размер и помогает освоить и закрепить бытовые навыки, такие, например, как глажка.

Как работать

- Заранее подготовить рабочее пространство
- Выложить ткань на гладильную доску
- Отмерить при помощи шаблона необходимый размер для серии лямок
- Отрезать нужное количество ткани
- На отрезанной части ткани отмерить шаблоном точный размер лямки
- Отрезать ткань по заданным размерам
- Положить отрезанную ткань на доску и прогладить
- Сложить ткань пополам и закрепить утюгом
- Сложить левый и правый края ткани к центру и закрепить утюгом
- Еще раз сложить ткань пополам и закрепить утюгом

Какая помощь может потребоваться

В ходе работы важно наблюдать и корректировать действия подопечного. Вместо того, чтобы отрезать ткань полностью ножницами, делать надрез и отрывать ткань руками. Целесообразно придерживать места надреза точно посередине ножниц. Выбирать ткань, которую можно порвать ровно (хлопок, бязь, ситец). Использовать гладильную доску со встроенной розеткой, чтобы провод от утюга не мешал.

Материалы: ткань, утюг, ножницы, гладильная доска.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ШВЕЙНОЙ МАШИНКЕ

Техника сложна для освоения, однако способствует знакомству со сложными приборами, развитию памяти, внимательности и усидчивости. Освоение техники помогает подразумевает получение конкретного результата работы с возможностью его использования, более активное включение подопечного в процесс работы и жизни мастерской в целом.

Как работать

- Заранее подготовить рабочее пространство
- Выбрать материалы для работы (тканевые заготовки)
- Включить швейную машину
- Положить на швейную машину под иглу и прижать лапкой
- Нажать на педаль и прошить строчку
- Вынуть ткань и отрезать нитки
- Положить ткань другой стороной и прошить строчку
- На прошитой ткани отрезать нитки

Какая помощь может потребоваться

Для клиентов на инвалидной коляске педаль от швейной машины ставить на стол и управлять ей при помощи рук. Все необходимые действия по управлению швейной машинкой вербально озвучивать, внимательно наблюдать за выполнением и при необходимости корректировать. Придерживать ткань вместе с подопечным. В процессе шитья педагог самостоятельно нажимает дополнительные рычаги. При обрезке ниток подносить место отреза ровно под ножницы.

Материалы: ткань, ножницы, швейная машинка

Автор картины: Быкова Виктория